

Огни новой деревни

Хозох активистов по-могают решать сложнейшие вопросы строительства — тут и общая планировка сел, и размещение хозяйственных построек, проекты жилых домов и культурно-бытовых зданий, возможности использования местных материалов. Активисты эти находят новые месторождения глины, известняков, заменители цемента и кровельных материалов.

Множество вопросов возникает в связи со строительством, они волнуют всех — от мала до велика. Да и как не волновать, когда речь идет о коренной перестройке привычного уклада жизни, о строительстве быта новой, социалистической деревни.

Колхозы стремятся использовать богатый опыт строительства, накопленный на городских и промышленных стройках. Где-то создаются колхозные предприятия, заготавливающие угли, блоки и детали для последующей сборки на строительном площадке. В Генгиче, в колхозе имени Сталина, создана первая в стране машиностроительная станция, механизированная вся строительные работы.

Жизнью, опытом, практикой колхозники убеждаются в том, что мелкие артели тормозят развитие коллективного земледелия, не позволяют полностью использовать огромные преимущества механизации. Малочисленным колхозам не под силу выделить достаточное количество рабочей силы, материальных и денежных средств для большого, перспективного строительства.

Не случайно колхозы, приступившие к реконструкции своих поселков, к строительству агрогородов, — это крупные колхозы, многие из них образовались недавно путем слияния мелких артелей.

В мощных крупных колхозах — перспектива развития нашего коллективизированного сельского хозяйства. И по мере того, как их будет все больше и больше, работы по строительству, новых благоустроенных сел будут приниматься все более широкий размах.

На конференции аграрников-марксистов в 1929 году товарищ Сталин говорил, что при колхозном строе «вопрос об отношении между городом и деревней становится на новую почву, что противоречие между городом и деревней будет развиваться ускоренным темпом.

Это обстоятельство имеет, товарищи, величайшее значение для всего нашего строительства. Оно преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу. Оно создает почву для уничтожения противоречия между городом и деревней. Оно создает почву для того, чтобы лозунг партии «лицом к деревне» дополнился лозунгом крестьян-колхозников «лицом к городу».

Колхозное крестьянство повернулось «лицом к городу». Оно хочет, чтобы само село стало цветущим городом-садом.

Широко развернувшееся строительство новых сел, сооружение первых агрогородов, перспективы завтрашнего дня настоятельно требуют, чтобы и город еще ближе стал к нуждам села. Деревня жлет помощи от наших архитекторов. Союз советских архитекторов, Академия архитектуры СССР, проектные организации должны еще не полностью удовлетворяют потребности села.

Пока не видно, чтобы наши издательства учитывали в своих планах нужду деревни в литературе по строительному делу. Нужны пособия по добыче местных строительных материалов, по отделым строительным специальностям, книжки и брошюры, описывающие опыт городского и сельского строительства.

Строительство агрогородов, — какая волнующая тема для писателя, для художника! Будем надеяться, что в скором времени появятся хорошие книги, кинокартины и песни, которые расскажут об опыте строителей первых агрогородов, создадут образы энтузиастов этого прекрасного, благородного дела, образы, которыми будут подражать, на примере которых будут учиться строить города-сады коммунистического завтра.

Заложены первые агрогорода. С каляки и чертешей они входят в нашу жизнь «весомо, грубо, зримо», чтобы украсить жизнь людей, которые не только строят коммунизм, но и будут жить при коммунизме.

Знаменательное событие произошло полгода назад в Черкасском районе на Украине. В поле, на бескрайних массивах колхозных нив, собрался на митинг свыше девяти тысяч колхозников. Они пришли сюда со всей округи, чтобы почтить любимого вождя и учителя товарища Сталина в день его семидесятилетия. В этот день они решили начать большое, кровно их затрагивающее дело — зажечь агрогород, культурный, благоустроенный город-сад, достойный творцов коммунистического общества.

После митинга, когда сняли красное полотнище, взгляду открылся гранитный монумент, на котором было высечено: «Земь старых сел — Лески, Талдики, Худяки и Ломовате, по voluntad свей вил тут буде споруджено колхозное агро-го родо имен Сталина».

Закладено в день 70-летия товарища Сталина.

21 grudnia 1949 roku.

Прошло несколько месяцев, и тысячи колхозников четырех сел, объединившиеся в одну артель, дружно принялись за дело.

Знаменательно то, что в тот же день, 21 декабря прошлого года, в другом месте Украины, на Херсонщине, труженники ордена Ленина колхоза имени Сталина, в честь семидесятилетия товарища Сталина, заложили первые четыре дома своего будущего агрогорода.

Уходит в прошлое соломенная, избяная деревня. Давно уже возникло новое советское село: с его общественными зданиями, хозяйственными постройками, культурно-бытовыми учреждениями. Но и это новое село, рожденное колхозным строем, ныне не удовлетворяет возросших потребностей крестьянства-коллективиста. Богатеет наш колхоз, становится зажиточнее колхозники, растут их культурный уровень — жизнь создала возможности и предпосылки необходимости приступить к широкому переустройству сел и деревень. Колхозники хотят жить в красиво спланированном поселке, в котором были бы водопровод, канализация, звуковой кинотеатр, дом культуры, книжный магазин, гостиница, телефон, аптека...

Колхоз имени Димитрова, Колхозского района, Московской области, электрфицирован еще до войны. Электрический ток здесь приводит в движение 22 мотора, дает свет во все дома. Здесь имеется свой радиоузел, клуб, стадион. Но всего этого мало, — объединившись с тремя соседними артелями, колхозники решили заново перестроить село Мячково, соорудить здесь дворец культуры, десятки двухэтажных кирпичных домов, школу-десятилетку, насадить парк и плодовые сады, проложить водопровод, провести шоссе до автомагистрали Москва — Рязань.

В старые, деревенские времена села и деревни зачастую возникали не в тех местах, где надо бы жить человеку, а на брошенной земле, не нужной помещику и кулаку, — на болотах, в оврагах, гляди от леса и рек. ныне колхозники вынуждают для поселения красивые и удобные места. Новым селам присваивают новые наименования, чтобы ничто не напоминало прежних Голодаевки, Неурожаек, Гореловки и Несловки.

Строительство — жилищное, производственное, культурно-бытовое — вызвало на селе новые отрасли производства — кирпично-черепичное, деревообрабатывающее, по обработке камня, обжигу известки и многое другое. На селе родились новые профессии. Теперь уже не редкость встретить в колхозе инженера или техника-строителя, а десятников-строителей и бригадиров — многие тысячи.

Навыки и любовь к строительству воспитываются у крестьян с детства. Пришло время, когда сельские строители могут блеснуть своими талантами не только на городских и промышленных стройках, но и у себя дома!

Народная инициатива щедро оплодотворяет колхозную стройку. В обсуждении планов строительства участвуют миллионы и миллионы колхозников. Тысячи кол-

хозных активистов по-могают решать сложнейшие вопросы строительства — тут и общая планировка сел, и размещение хозяйственных построек, проекты жилых домов и культурно-бытовых зданий, возможности использования местных материалов. Активисты эти находят новые месторождения глины, известняков, заменители цемента и кровельных материалов.

Множество вопросов возникает в связи со строительством, они волнуют всех — от мала до велика. Да и как не волновать, когда речь идет о коренной перестройке привычного уклада жизни, о строительстве быта новой, социалистической деревни.

Колхозы стремятся использовать богатый опыт строительства, накопленный на городских и промышленных стройках. Где-то создаются колхозные предприятия, заготавливающие угли, блоки и детали для последующей сборки на строительном площадке. В Генгиче, в колхозе имени Сталина, создана первая в стране машиностроительная станция, механизированная вся строительные работы.

Жизнью, опытом, практикой колхозники убеждаются в том, что мелкие артели тормозят развитие коллективного земледелия, не позволяют полностью использовать огромные преимущества механизации. Малочисленным колхозам не под силу выделить достаточное количество рабочей силы, материальных и денежных средств для большого, перспективного строительства.

Не случайно колхозы, приступившие к реконструкции своих поселков, к строительству агрогородов, — это крупные колхозы, многие из них образовались недавно путем слияния мелких артелей.

В мощных крупных колхозах — перспектива развития нашего коллективизированного сельского хозяйства. И по мере того, как их будет все больше и больше, работы по строительству, новых благоустроенных сел будут приниматься все более широкий размах.

На конференции аграрников-марксистов в 1929 году товарищ Сталин говорил, что при колхозном строе «вопрос об отношении между городом и деревней становится на новую почву, что противоречие между городом и деревней будет развиваться ускоренным темпом.

Это обстоятельство имеет, товарищи, величайшее значение для всего нашего строительства. Оно преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу. Оно создает почву для уничтожения противоречия между городом и деревней. Оно создает почву для того, чтобы лозунг партии «лицом к деревне» дополнился лозунгом крестьян-колхозников «лицом к городу».

Колхозное крестьянство повернулось «лицом к городу». Оно хочет, чтобы само село стало цветущим городом-садом.

Широко развернувшееся строительство новых сел, сооружение первых агрогородов, перспективы завтрашнего дня настоятельно требуют, чтобы и город еще ближе стал к нуждам села. Деревня жлет помощи от наших архитекторов. Союз советских архитекторов, Академия архитектуры СССР, проектные организации должны еще не полностью удовлетворяют потребности села.

Пока не видно, чтобы наши издательства учитывали в своих планах нужду деревни в литературе по строительному делу. Нужны пособия по добыче местных строительных материалов, по отделым строительным специальностям, книжки и брошюры, описывающие опыт городского и сельского строительства.

Строительство агрогородов, — какая волнующая тема для писателя, для художника! Будем надеяться, что в скором времени появятся хорошие книги, кинокартины и песни, которые расскажут об опыте строителей первых агрогородов, создадут образы энтузиастов этого прекрасного, благородного дела, образы, которыми будут подражать, на примере которых будут учиться строить города-сады коммунистического завтра.

Заложены первые агрогорода. С каляки и чертешей они входят в нашу жизнь «весомо, грубо, зримо», чтобы украсить жизнь людей, которые не только строят коммунизм, но и будут жить при коммунизме.

Знаменательное событие произошло полгода назад в Черкасском районе на Украине. В поле, на бескрайних массивах колхозных нив, собрался на митинг свыше девяти тысяч колхозников. Они пришли сюда со всей округи, чтобы почтить любимого вождя и учителя товарища Сталина в день его семидесятилетия. В этот день они решили начать большое, кровно их затрагивающее дело — зажечь агрогород, культурный, благоустроенный город-сад, достойный творцов коммунистического общества.

После митинга, когда сняли красное полотнище, взгляду открылся гранитный монумент, на котором было высечено: «Земь старых сел — Лески, Талдики, Худяки и Ломовате, по voluntad свей вил тут буде споруджено колхозное агро-го родо имен Сталина».

Закладено в день 70-летия товарища Сталина.

Знаменательно то, что в тот же день, 21 декабря прошлого года, в другом месте Украины, на Херсонщине, труженники ордена Ленина колхоза имени Сталина, в честь семидесятилетия товарища Сталина, заложили первые четыре дома своего будущего агрогорода.

Уходит в прошлое соломенная, избяная деревня. Давно уже возникло новое советское село: с его общественными зданиями, хозяйственными постройками, культурно-бытовыми учреждениями. Но и это новое село, рожденное колхозным строем, ныне не удовлетворяет возросших потребностей крестьянства-коллективиста. Богатеет наш колхоз, становится зажиточнее колхозники, растут их культурный уровень — жизнь создала возможности и предпосылки необходимости приступить к широкому переустройству сел и деревень. Колхозники хотят жить в красиво спланированном поселке, в котором были бы водопровод, канализация, звуковой кинотеатр, дом культуры, книжный магазин, гостиница, телефон, аптека...

Колхоз имени Димитрова, Колхозского района, Московской области, электрфицирован еще до войны. Электрический ток здесь приводит в движение 22 мотора, дает свет во все дома. Здесь имеется свой радиоузел, клуб, стадион. Но всего этого мало, — объединившись с тремя соседними артелями, колхозники решили заново перестроить село Мячково, соорудить здесь дворец культуры, десятки двухэтажных кирпичных домов, школу-десятилетку, насадить парк и плодовые сады, проложить водопровод, провести шоссе до автомагистрали Москва — Рязань.

В старые, деревенские времена села и деревни зачастую возникали не в тех местах, где надо бы жить человеку, а на брошенной земле, не нужной помещику и кулаку, — на болотах, в оврагах, гляди от леса и рек. ныне колхозники вынуждают для поселения красивые и удобные места. Новым селам присваивают новые наименования, чтобы ничто не напоминало прежних Голодаевки, Неурожаек, Гореловки и Несловки.

Строительство — жилищное, производственное, культурно-бытовое — вызвало на селе новые отрасли производства — кирпично-черепичное, деревообрабатывающее, по обработке камня, обжигу известки и многое другое. На селе родились новые профессии. Теперь уже не редкость встретить в колхозе инженера или техника-строителя, а десятников-строителей и бригадиров — многие тысячи.

Навыки и любовь к строительству воспитываются у крестьян с детства. Пришло время, когда сельские строители могут блеснуть своими талантами не только на городских и промышленных стройках, но и у себя дома!

Народная инициатива щедро оплодотворяет колхозную стройку. В обсуждении планов строительства участвуют миллионы и миллионы колхозников. Тысячи кол-

«ПОЧИТАТЕЛИ МИРА» В АВСТРИИ

Мотивируя отказ австрийского правительства присоединиться к возобновлению Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, канцлер Фигль заявил: Мир для австрийцев является «чужеродным чуждым делом». «Мы не нуждаемся в сборе подписей».

Рис. Вор. ЕФИМОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

А. ФЕДОРОВА, К. ЦЫПЛЕНКОВ ЛЕТОПИСЬ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

В музее М. И. Калинина

«...Бороться успешно за коммунизм — это значит идти за Сталиным».

Эти мудрые, горячие слова Михаила Ивановича Калинина золотом горят при входе в открывшийся вчера в Москве музей М. И. Калинина. В этих словах — неиссякаемая воля, мужество и сила борьбы и труженника, отдавшего всего себя без остатка делу рабочего класса, гордо прошедшего жизненный путь в рядах партии Ленина — Сталина. Таким остался в народной памяти Михаил Иванович Калинин.

В экспонатах музея отражена жизнь этого мудрого, большого, поистине неповторимого человека. Каждый предмет, — будь то кожаная сумка или армейская шинель, в которой Михаил Иванович Калинин развезжал по фронтам гражданской войны, будь то письменный прибор, которым он пользовался, — все волнует, все напоминает о нашем родном и близком друге — Михаиле Ивановиче.

Мы в зале, где газеты, книги, документы, фотографии, картины рассказывают об участии Михаила Ивановича Калинина в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Перечитываем его речи и статьи, опубликованные в «Правде» и «Советской правде» в марте — июне 1917 года. Кажется, будто слышишь он, Михаил Иванович, в кругу крестьян, рабочих и просто обсуждая с ними пути революционного движения, пути, которым суждено открыть новые страницы человеческой истории. Михаил Иванович Калинин умел страстным словом большевика поднять массы на борьбу за свершение неанастойного буржуазного строя. Настраивая революционного энтузиазма передатник скульптура работы Д. Ефимова и П. Вуколовича: Михаил Иванович в группе красногвардейцев Петроградского Трубочного завода, на котором он, по указанию партии, организовал двухтысячную дружину борцов за революцию.

Документы, документы, документы. Их такое множество, что и перечислить невозможно. Вот извещение из газеты «Рабочий путь» об избрании Михаила Ивановича гласным районной Лесновской думы и председателем ее исполнительного органа. После Октября Михаил Иванович — на посту Петроградского городского голова, а затем — комиссара городского хозяйства. Умело, с присущей ему энергией организует он двухмиллионное население города на восстановление и перестройку хозяйства.

В памяти старшего поколения живы воспоминания о днях, когда после смерти Я. М. Свердловского Владимир Ильич Ленин, предлагая избрать М. И. Калинина председателем ВЦИК, говорил:

«...кандидатура такого товарища, как тов. Калинин, должна бы объединить нас всех. Такая кандидатура поможет нам практическим путем организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представительства Советской власти со средним крестьянством, поможет нам сблизиться с ним».

Горчий признательностью ответил на высокое доверие Михаил Иванович:

«...мое избрание я рассматриваю как символ тесного союза крестьян с рабочи-

ми массами, так как в моем лице объединяется рабочий Петрограда с тверским крестьянином».

М. И. Калинин был востину неумолимым деятелем деннико-сталинского типа. В 1919 и 1920 годах с поездом «Октябрьская революция», организованным по инициативе В. И. Ленина, Михаил Иванович Калинин посетил свыше 260 городов, сел, деревень, разъясняя трудящимся важнейшие задачи государственного строительства, подымая народ на борьбу за укрепление советской власти, за построение нового общества, о котором веками мечтали лучшие умы человечества.

Не было фронта, на котором не побывал бы Михаил Иванович Калинин. Он всегда появлялся там, где опасность для Родины была особенно велика. Глава верховной власти живыми, простыми, доходчивыми словами воодушевлял воинов на победу над врагами.

Зал один, другой, третий... Слово перелистываешь страницы истории, запои все переживаешь. Вот на II Всесоюзном съезде Советов, вслед за товарищем Сталиным, давшим клятву от имени великой партии большевиков, Михаил Иванович призывает народ удесятерить усилия в осуществлении ленинских заветов построения социализма.

Доказ Михаил Ивановича на V Конгрессе Коминтерна: «Ленинизм в Коминтерне». Каждое его слово — это удар по капитулянтам и ренегатам всех мастей и видов. Под руководством великого Сталина, как верный его соратник, Калинин ведет неустанную борьбу за реализацию сталинской программы социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

В картинах крупнейших советских художников запечатлены различные эпизоды из жизни Михаила Ивановича: встреча Калинин и Кирова с рабочими Пугиловского завода; Калинин среди руководителей партии и правительства за разработкой плана первой пятилетки; посещение Калининным строительства Ростовского завода сельскохозяйственных машин; волнующий момент открытия Калининным XVI съезда партии.

Здесь тексты выступлений и статей Михаила Ивановича об успехах социалистического строительства, о задачах организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Как бы итогом гигантского этапа строительства социализма звучат слова М. И. Калинина, высеченные на бронзовой плите:

«Сотни миллионов людей, обремененных нуждой, колониальным порабощением, капиталистической эксплуатацией, имена Ленина и Сталина связывают с утренней зарей своего возрождения».

Михаил Иванович Калинин неутомимо боролся за укрепление нашего общества, нашей демократии, морали, этики. Беспредельно преданный учению Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, он любовно растил и воспитывал кадры новаторов, ставконовцев, советских интеллигентов.

...Один из последних залов... Здесь экспонируются многочисленные высказывания Михаила Ивановича Калинина по вопросам воспитания советской молодежи,

народа, борьбы с пережитками капитализма в сознании людей. Его мудрые советы и указания составляют поистине неиссякаемую энциклопедию, пользование которой насущно необходимо каждому советскому человеку.

Он был строгим и взыскательным воспитателем. Он неустанно требовал от советских людей, чтобы они овладевали сокровищницей марксистско-ленинского учения. В своей памятной речи на совещании учителей-отличников 28 декабря 1938 года Михаил Иванович предостерегал против буквательства, пачетничества и догматизма, резко обрушиваясь на тех, кто думает, что овладеть марксистско-ленинизмом — значит заучить готовые формулы и выводы этой теории.

«Изучение марксистско-ленинизма пужно не ради самого изучения, не для профформы. Мы изучаем марксистско-ленинизм не для того, чтобы знать его формально, как раньше изучали катехизис. Мы изучаем марксистско-ленинизм, как метод, как инструмент, при помощи которого мы правильно определяем наше политическое, общественное и личное поведение. Мы считаем, что это — самое могущественное оружие человека в его практической жизни».

На протяжении всей своей жизни Михаил Иванович уделял большое внимание вопросам народного образования, школе, молодежи, комсомолу. К 20-летию юбилею ВЛКСМ М. И. Калинин создал исторический очерк — «Славный путь комсомола». Эта работа Михаила Ивановича должна быть настольной книгой каждого советского молодого человека.

...Перед нами множество документов, относящихся к деятельности председателя Президиума Верховного Совета СССР в годы Великой Отечественной войны. Будучи уже тяжело больным, Михаил Иванович продолжает вести колоссальную партийную, государственную работу, отдавая все свои силы, весь свой неистощимый революционный талант делу победы советского народа над фашистскими ордами.

Он непрерывно посещал заводы, колхозы, части Советской Армии, выступал по радио, писал статьи для газет и журналов. За время войны Михаил Иванович опубликовал свыше ста статей. За это время вышло свыше 30 брошюр и сборников с его статьями и выступлениями. В музее экспонированы важнейшие книги Михаила Ивановича Калинина, выпущенные в годы Великой Отечественной войны: «Товарищ Сталин от Отечественной войны», «Ленин о защите социалистического Отечества», «Могущество советского государства», «Боевой помощник большевистской партии», «О моральном облике нашего народа», «Все для фронта! Все для победы!», «Слово агитатора на фронте» и другие. Доходчивое мудрое слово Михаила Ивановича разжигало пламя веры в победу, мобилировало силы трудящихся в тылу, воинов на фронте. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, выставленные в музее.

И, наконец, последняя брошюра Михаила Ивановича — «О переходе на мирную работу». В ней он выражает уверенность, что народы Советского Союза в наступаю-

щей пятилетке не только залечат раны войны, но еще больше укрепят могуществом своей Отчизны.

...Письмо Михаила Ивановича к избирателям Ленинградского городского избирательного округа, написанное 5 февраля 1946 года. Это — последнее обращение председателя Президиума Верховного Совета к народу. Оно заканчивается замечательными словами:

«...разрешите, товарищи, сказать, что я как член партии, — а нашу партию олицетворяет товарищ Сталин, ибо партия и товарищ Сталин слины суть, — помогал партии и в будущем буду служить своей партии всеми силами, какие только есть у меня».

Двадцать семь лет Михаил Иванович бесменно стоял во главе верховного органа советского государства. С 1919 года он постоянно избирался членом ЦК ВКП(б), а с 1926 года — членом Политбюро ЦК ВКП(б). Он отдал всю свою энергию, весь свой изумительный талант пропагандиста и государственного деятеля делу укрепления и развития первого в мире социалистического государства.

Особое место в экспозиции музея занимает коллекция подарков, поступивших на имя М. И. Калинина за четверть века. Эта коллекция — убедительное доказательство огромной популярности и любви, которой пользовался Михаил Иванович у трудящихся нашей страны и всего мира.

...3 июня 1946 года. Наша партия, наш народ понесли непоправимую, тяжелую утрату. Умер выдающийся деятель нашей партии и советского народа, друг и соратник Ленина и Сталина — Михаил Иванович Калинин.

Траурный зал музея. На плите темнокрасного гранита высечено имя М. И. Калинин, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета Союза ССР о смерти Михаила Ивановича Калинина. На огромном фото-панно — почетный караул — товарищ Сталин, товарищи Молотов, Маленков, Берия, Каганович, Жданов стоят у гроба. На другом фото — несложный поток трудящихся Москвы, пришедших отдать последний долг дорогому и горячо любимому Михаилу Ивановичу.

Вот слова Михаила Ивановича, которые подводят итог большого и славного жизненного пути этого мудрого, простого и скромного человека: «Вся история моей жизни, а по существу и вся история рабочего класса заключается в том, что мы жили и боролись под руководством Ленина, Сталина».

1222 издания трудов М. И. Калинина, распространенные в 55 миллионах экземпляров, изданные на 74 языках, — это истинные подлиннейшие шифры.

Невозможно в газетной статье рассказать и сотой долей того, что переживаешь, чувствуешь, проходишь по залам музея.

Советские люди будут приходить сюда с чувством великой любви и признательности к человеку, отдавшему всю свою жизнь на благо народа, к верному сподвижнику гениальных вождей советского народа — Ленина и Сталина.

Встреча с корейскими друзьями

Среди американских политиков всех рангов — от министра Остина до Ачersona и их подголосков — в большом ходу заурядная сказка Геббельса о «железном занавесе», за которым якобы живут народы демократических стран.

Примерно в то время, когда американский дипломат мистер Остин на сессии Генеральной Ассамблеи ООН обвинял советских людей в нежелании обмениваться богатствами культуры с соседями, самолет с делегацией деятелей советской культуры приземлился на аэродроме в Пхеньяне.

А сегодня Москва принимает на лучших своих сценах артистов Корейской народной-демократической республики, концерты которых пользуются неизменным успехом у советской публики.

Таковы факты, так опровергаются — фактами, делом — клевета заокеанских жедрузей культуры.

В большой и красочной программе концертов раскрывается богатейший источник художественного таланта корейского народа. Зрителям тепло приветствуют выступления солистов Пхеньянского государственного театра Ю Ун Ген, Ли Ген Паль, Ким Ван У, чудесные танцы известной корейской балерины Пой Син Хи и лауреатов конкурсов на всемирных фестивалях демократической молодежи в Праге и Будапеште Ан Син Хи и Ким Пек Пон, горячо аплодируют хору, симфоническому оркестру, ансамблю старинных народных инструментов, танцевальному ансамблю.

И мне снова отчетливо припомнились наша поездка в Корею и клеветнические вылазы мистера Остина, рассчитанные, как видно, на то, чтобы отвлечь внимание общественного мнения от факта идеологической экспансии американского империализма в чужие страны с целью разложения и удушения их национальной культуры.

Путешествуя по Корею от северных ее границ до 38-й параллели, выступая с концертами, лекциями, докладами в центрах провинции и в крупных городах, разговаривая с людьми, мы неизбежно приходили к выводу, весьма интересному для так называемой «американской демократии».

Известно, что Корея была освобождена от японских оккупантов советскими войсками. Известно также, что американцы сделали все возможное, чтобы политически и эконо-

чески расчлнить Корею, превратить южную часть страны в военно-стратегический плацдарм на Дальнем Востоке, в бесправную колонию Уолл-стрит. Даже тогда, когда, вопреки усилиям американцев, весь корейский народ — на севере и на юге — единодушно избрал общенациональное Народное демократическое правительство Корея, когда ушли из Северной Корея советские войска, полностью передав управление самим корейцам, американские войска все-таки не покинули оккупированную ими Южную Корею и продолжают оставаться там по сей день.

Американская «культура» в Южной Корею представлена джазами, играющими в кабаках, да голливудской кинострипней, являющейся наглядным пособием для обучения убийц и гангстеров. Единственный корейский театр в Сеуле звучит жалкое, нищенское существование, и лучшие артисты бегут из Южной Корея в Северную, отчаявшись найти применение своим талантам. Валерия Пой Син Хи была в Сеуле и, не желая выступать в кабаках на потеху американской военщине, бежала оттуда. Вместе со своей дочерью Ан Син Хи она проделала опасное путешествие ночью по морю, спасаясь от «внимания» американских покровителей искусства.

Корейское искусство в его современных формах не существовало еще четыре года назад. То, что сделано здесь за этот короткий срок, вызывает глубочайшее уважение к таланту корейского народа. Мы совершили поездку по всем провинциям Северной Корея и крупнейшим городам и всюду видели вновь созданные драматические театры, хоры, музыкальные коллективы, широчайший расцвет художественной самостоятельности.

Рабочие крупнейшего химического комбината в Канью создали драматический кружок. Приехав выступать в концерте, мы застали на сцене рабочего клуба декорации к пьесе А. Корнейчука «Платон Кречет». Сцены из этой же пьесы мы смотрели в театре города Кангве — в глухом горном районе. Театр создан здесь совсем недавно, менее года, а пьеса поставлена хорошо.

Откуда взялись артисты? Они все местные. Мать Кречета играла молодая артистка Ким Чан Ок так просто и задумчиво, что не поспраивала бы и столичной сцены.

Из Кангве мы поехали в Сингысю — большой город на границе с Маньчжурией. Почти сутки ехли в поезде. На каждой станции, где поезд стоял более пяти минут, устраивались встречи и митинги. На каждой такой станции перед нами выступали самостоятельные коллективы молодежи. В Чонджу нам показали оригинальный «Танец советско-корейской дружбы». Подобный танец исполняется повсюду в Северной Корею.

В Северной Корею из искусств наиболее распространены песенное и танцевальное. В огромном ходу наши советские песни, переводческие песни хорошо отражают думы и чаяния народных.

Национальный корейский балет долго оставался реакционным, отражая приворные перемены и жизнь аристократии. Программа национальной студии в Пхеньяне, которой руководит Пой Син Хи, претерпела очень серьезные изменения в сторону демократизации балета, и танец от этого основательно выиграл. Уныние и однообразная аристократическая перемена приворного танца сменялись огнем и многогранностью танца «Крестьянский праздник» из балета «Песнь освобождения», изумительной пластичностью и выразительностью сольного танца «Сквозь бурю», великолепным лирическим народным мотивом в танце «Девушка и крестьянин», за который Ким Пек Пон и Ан Син Хи удостоены звания лауреатов конкурсов на всемирных фестивалях демократической молодежи и т. д. Все эти танцы и многие другие с успехом показывают сейчас корейские артисты советскому зрителю.

Естественным средоточием искусства Северной Корея стал Пхеньян. Здесь созданной большой симфонический оркестр, драматический театр, опера, балет, балетная студия, музыкальное училище. И опять-таки во всем решительно ощущается мощ-

ное и плодотворное влияние передового советского искусства.

Оркестр исполняет большое количество произведений русских и советских композиторов. В театре, наряду с первыми новыми пьесами корейских драматургов, ставятся пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет», А. Сурова «Зеленая улица» и другие.

Месяц пребывания советской делегации деятелей культуры и искусства в Корею был месяцем напряженнейшей, каждодневной и разнообразной работы, преследовавшей цель — помочь искусству и литературе Корея. Загородная дата, где мы жили, превратилась в класс роля и сринок в пенимпровизанном учебном днем. Люди искренне, страстно, самозависно хотели учиться.

Перед отъездом делегацию принял глава единого народно-демократического правительства Корея Ким Ир Сен. Этот общаательно простой человек и мудрый государственный деятель настоятельно спрашивал: что необходимо сделать для дальнейшего роста искусства и литературы? Его интересовали не похвалы достижениям, а критика недостатков.

— Укажите недостатки и посоветуйте, как их исправить! — так сформулировал он назначение беседы.

В беседе выяснилось, что Ким Ир Сен знает не только многие ансамбли и самостоятельные коллективы в провинциях, но и отдельные исполнители. Мы почувствовали, что при таком количестве талантов и таком руководстве корейскому искусству обеспечено быстрое развитие.

Перед самым отъездом мы узнали, что в Пхеньяне организована студия классического балета — того балета, о котором здесь не имели прежде представления. Желающих учиться с первого дня оказалось больше, чем вакантных мест.

Встреча с артистами Корейской народно-демократической республики в Москве вочию показывает, что корейское искусство сделало новый, значительный шаг вперед.

Так поднимается в жизни искусство освобожденного корейского народа. Так опровергаются фактами американские басни мистера Остина!

1. Фактически этого не может быть, но юридически это возможно

Странная формула, не правда ли? Какое-то неслыханное с точки зрения юриста утверждение. Ну кому, в самом деле, придет в голову юридически обуславливать то, чего не бывает и не может быть в действительности? И тем не менее...

Можно ли представить себе, что сейчас, в 1950 году, у нас происходят такие фантастические вещи:

безработный просит сохранить за собой очередь на бирже труда или

рабочий уходит с предприятия из-за того, что его оскорбил хозяин или член семьи хозяина

или

в газете появляется объявление об организации частного товарищества на паях...

Впрочем, довольно! Этого даже нельзя себе представить. Это явный вздор. Этого даже уже не может быть в нашей стране. Фактически это совершенно невозможно, но юридически...

Попробуйте подлистать кодексы законов, переизданные в 1948 году.

Черным по белому напечатаны в Кодексе законов о труде слова «безработный», «биржа труда», «частное предприятие» и все статьи, связанные с этими давно мертвыми для нас понятиями. В частности, параграфы предусматривают приведенные выше, невозможные у нас ситуации.

Все это происходит по простой причине. Гражданский кодекс и Кодекс законов о труде составлены в 1922 году, Уголовный кодекс — в 1926 году.

И вот по некоторым их статьям и параграфам до сих пор бродят бесплатные тени прошлого — кулаки, заводчики, частные скрутки и прочие привидения.

Статья пятая Гражданского кодекса говорит о праве частных граждан организовывать предприятия.

Несколько статей гласит о стихийном изменении рыночных цен, о товариществе на пере, на паях, с ограниченной ответственностью...

Конечно, статьи эти давно мертвы. Конечно, судьи не пользуются ими. Конечно, новые взаимоотношения регулируются новыми законодательными актами — указами правительства, ведомственными постановлениями и т. д.

Но кодекс остается кодексом. И отжилая статья продолжает действовать. Вернее, бездействовать. Они засоряют наше самое живое и самое демократическое законодательство.

Неудивительно, что за 25 лет кодекс частично устарел. Удивительно то, что важная и ответственная работа по их пересмотру еще не закончена и что до сих пор они переиздаются в том же устаревшем виде.

Это неправильно и юридически и фактически!

Не слишком лигоно выглядят в наше время в некоторые расхождения республиканских кодексов. Разумеется, своеобразные условия жизни той или иной республики должны найти отражение и в кодексах этих республик.

Но почему минимальный срок лишения

свободы в РСФСР один год, а в Грузии — менее месяца?

Почему в РСФСР девушка имеет право выйти замуж, начиная с восемнадцати лет, а в УССР — с шестнадцати?

Получается так: шестнадцатилетняя девушка, скажем, из Курска или Орла может спокойно сесть в поезд, поехать до Харькова и там совершенно законно выйти замуж.

То же с «давностью» долга. В РСФСР давность установлена в три года, в УССР — в один год. Это значит, что живя в Украине, одолживший в Киеве некоторую сумму у проезжего москвича, при желании уже через год может считать себя свободным от всяких обязательств, в то время как москвич еще два года спустя будет спокойно ощущать себя обладателем одолженных денег.

Можно было бы продолжить список юридически неоправданных расхождений между республиканскими кодексами.

Но стоит ли?

Именно так, что и в этой области многие статьи нуждаются в исправлении и уточнении.

Народность, справедливость и кристальная логическая ясность — типичные черты советских законов. Наши законоположения не могут допускать расхождений и поворотов для кривотворства — это чуждо самому характеру нашей жизни.

2. А жизнь идет вперед...

То, что вчера еще было новым, завтра может оказаться устаревшим. Жизнь идет вперед неуловимо и стремительно. И, конечно, никакое отставание от этого движения жизни не может быть признано простительным.

Но, что мертво, отжившие статьи засоряют кодексы законов.

Но во много раз хуже то, что существует статьи и параграфы, применение которых к новым явлениям жизни не только не помогает, но и может порой мешать живому делу.

Когда-то, в далекие дохорошеетные времена, на заре развития нашей социалистической экономики, может быть, имел положительный смысл пункт закона, что лишь трест является юридическим лицом, а предприятия — завод или фабрика, входящие в трест, — могут действовать лишь по доверенности треста.

Но ведь жизнь идет вперед. Уже много лет предприятия сами отвечают за свои долги. Уже давно трест не отвечает по долгам своих предприятий. Уже давно хозяйствование стало полностью самостоятельным. Об их самостоятельности свидетельствуют такие патристические начинания, как отказ от государственных дотаций, борьба за ускорение оборачиваемости оборотных средств, за выпуск сверхплановой продукции из законченного сырья, и многие другие прекрасные дела, доказывающие, что сейчас именно предприятия — завод, фабрика, шахта — есть основное звено нашей промышленности.

Но основное звено, как это ни удивительно, до сих пор лишено юридических прав, оно не является юридическим лицом и вынуждено действовать по доверенности треста.

Что же, кроме волокиты, кроме ненужной сложности, может вызвать это устаревшее право?

Или другой пример.

В свое время была издана инструкция, разрешающая освободить от работы жену в связи с переводом мужа в другой район.

Ну, а если наоборот? Если переводят жену? Если не он, а она — радист в Арктике? Если именно она — военная служащая — врач или инженер, а он — муж военной служащей? Если она — директор железной дороги? Если она... Да надо ли перечислять профессии, когда каждая советская женщина имеет равные права с мужчиной? Жизнь ушла вперед, и только инструкция осталась где-то далеко позади со своей односторонней точкой зрения на права супругов.

И уже совершенно недопустимым анахронизмом является то, что в некоторых случаях кодекс не отражает существование у нас колхозного строя.

Такие конфликты, как взаимоотношения членов крестьянского двора, то есть в наше время — отношения между членами семьи колхозника, регулируются судами по статьям и параграфам, предусматривающим конфликты крестьян-единоличников.

В старых земельных кодексах есть пункт о том, что член крестьянского двора в случае, если он ушел в город на заработки, сохраняет свои права в течение двух севооборотов. Как это понимать? Колхозник, уехавший в город на работу, останется членом колхоза в течение 16—18 лет, так, что ли?

Не те времена и не те севообороты! Раньше это была трехполька — три года, а сейчас севообороты, как известно, восьмилетние...

Жизнь идет вперед. И во многих статьях кодексы далеко отстали от ее стремительного движения.

Советское законодательство по духу и существу своему — самое прогрессивное, самое живое, самое мобильное и близкое народу законодательство в мире. Чтобы ликвидировать отставание, успеть за прогрессивным движением нашей жизни, было издано много самостоятельных законов и инструкций, исправляющих устаревшие законоположения, приближающих их к современным требованиям.

Но новых кодексов, в целом, у нас нет более двадцати лет.

Мы прекрасно понимаем, что кодекс законов — это не ежедневный, и создание его требует длительного времени.

Мы знаем, что серьезная работа над новыми кодексами ведется уже давно. Очень давно.

И наступает момент, когда дальнейшая затяжка становится недопустимой.

Ваша ли можно оправдать сложностью задачи или другими причинами то, что, скажем, комиссия по новому трудовому законодательству бездействует в течение двух лет.

Пришло время поставить перед Министерством юстиции СССР и соответствующими комиссиями простой и ясный вопрос:

Когда же, наконец, будут готовы новые кодексы законов?..

Это вполне законный вопрос.

Итак, наш рейс завершен. После тридцатидневного перехода по семи морям и Атлантическому океану, после жестокой борьбы со штормами мы ошвартовались, наконец, в Новороссийском порту.

Василий, кому случалось хотя бы на короткое время покидать пределы нашей страны, знает, что на чужбине особенно остро ощущается чувство любви к Родине. Не передать словами, какую испытываешь радость, каким счастливым чувствуешь себя, когда после долгой разлуки делаешь первый шаг по родной советской земле.

Наш рейс был стажировочным — так решил личный состав перегонаемых судов. Развернувшись социалистическое сотрудничество в честь первой Сессии Верховного Совета СССР помогло нам держать слово, данное перед выходом из Калининграда. Сроки перегона были сокращены против плана на десять суток. Все суда привели в Черное море без аварий. Сэкономлено не один десяток тонн горючего.

На пути нашем вставало немало препятствий. Но все они были преодолены. Скрюченные, трудолюбивые и смелые матросы показали себя в этом плавании пламенными советскими патриотами.

Прежде всего необходимо заметить, что в истории мореплавания это первый опыт одновременного перегона десятков рыболовных судов. Из масштабного перегона вытекала трудность заправки судов горючим, трудности переборки механизмов. Все это необходимо было производить на ходу, так как остановки в портах одновременно тридцати судов, их размещение, швартовка, а затем выход из гавани, построение в колонну и т. п. неизбежно затянули бы рейс на много дней.

Нельзя забывать и о тоннаже судов. В составе каравана насчитывалось десять средних рыболовных траулнеров, остальные суда — сейнеры. Возник вопрос: смогут ли они выдержать удары океанских волн в Атлантике. В печально известном среди всех моряков мира своем шторме Бискайского залива? Оказалось, что в умелых руках советских людей могут выдержать и выдержали.

Конечно, десятибалльный шторм, в котором мы попали в Бискайском и Кадисском заливах, — не шутка для судов малого водоизмещения. И потрепало нас, надо сказать, крепко. Но бунтующий океан с его огромными волнами, перекатынами через галубы низких рыболовных судов, не поколебал воли советских моряков. Все шло как в своих местах. Все действовало четко, согласованно и хладнокровно.

Через Гибралтарский пролив мы вошли в Средиземное море, которое встретило нас значительно ласковее, а затем через Дарданеллы и Босфор попали в наше родное Черное море, вырвались из удушливой атмосферы военного утара Запада.

Каждый хоть немного смыслящий в морском деле наблюдатель легко определил бы тип перегонаемых судов. Нельзя спутать грузовой пароход «Тамбов», служивший караваном базой горючего, с лихтером, средним рыбачьим траулером — с крейсером, а маленький сейнер — с подводной лодкой, так же, как нельзя спутать деревянную подводную лодку на корме сейнера с орудийной батареей. И тем не менее намечались клеветники и провокаторы, которые, вопреки здравому смыслу, попытались рейс рыболовных судов представить чуть ли не как военную операцию!

О том, что нас «удостоили» вниманием английская печать, мы узнали еще на рейде Фальмут. Поднявшись на борт «Тамбова», английский таможенный чиновник сказал как бы между прочим:

— А о вас пишет газета «Дейли мейл»...

Но отвечать на вопрос, что же именно пишет, он не стал.

Только в Гибралтаре, где мы брали горючее, нам попалась на глаза одна английская газеточка, не помню уже ее названия.

Недавно грузинские Новороссийские тепло встретили участников беспреградной истории мореплавания перегона мелкий и средних рыболовных судов по Черному морю, вышедшего лодки клеветнический юнг английский буржуазной печати. Судя по рассказам из Балтийского моря, море или ударило лодку из Черноморского рыболовного флота. На встречу балтийским посланцам в море вышли расцарапанный флагман и лодка «Академик Зернов». Под звуки оркестра, обмениваясь со встречавшими приветственными гудками, суда приближались в гавани. На причалах порта состоялись торжественный митинг — встреча участников перегона с трудившимися голами.

Мы публикуем сегодня статью по этому поводу — участника перегона капитана В. Шутова, участвовавшего в этом рейсе в качестве помощника капитана грузового парохода «Тамбов».

Ваша. Ее принес нам агент по снабжению кораблей. Развернув смелый газетный лист, мы увидели набранный огромными буквами заголовок во всю страницу: «Что вы думаете об этом?» Под столь «выразительным» заголовком был помещен снимок «Тамбова», сделанный с воздуха, и несколько интервью с камином-то лодками, адмиралами в отставке и даже священниками.

Все эти интервью не блистали ни оригинальностью, ни свежестями мысли. Зато в них было более чем достаточно провокационных намеков и клеветнических домыслов. Не трудно было догадаться, с какой целью напечатаны эти высказывания. Они преследовали одну цель — смутить, наугад обывателей, возбудить общественное мнение Англии против Советского Союза, а заодно найти «оправдание» лихорадочной гонке вооружений.

Каждое же, безусловно «сладчайшие моря» высказывать столь явные признаки страха перед рыболовными судами. По видимому, английская буржуазная пресса охотно попускает даже национальным самолюбием, когда ей представляется повод лишний раз возвести клевету на Советский Союз.

Провокациями занималась не только английская печать (ей к этому не приходится), — провокациями на всем пути нашего следования по Ламаншу занимались и английские вооруженные силы.

Наше суда выходя из Калининграда тремя группами с некоторыми интервалами между ними. Встреча была назначена возле английского порта Фальмут. Здесь, у самого выхода в океан, суда должны были пополниться горючим подной колонной выйти в Атлантику.

Еще в Северном море, на подходе к плочному маяку Галлопер, возле судов первой группы появились два английских сторожевых корабля. Вели они себя в общем довольно спокойно, и мы, признавая, даже не обратили на них внимания. Плавают и плавают. Нам это не касается. Вскоре, однако, нами заинтересовались военный шлюп, затем возле острова Зайт-подводная лодка, долгое время плававшая рядом с нами сначала под перископом, а потом в надводном положении, и торпедный катер, который, осветив наши суда прожектором (дело было ночью), пропел два раза вдоль кильватерного строя туда и обратно.

Такая назойливая была мало понятная. Истинные цели этого «любопытства» нам открылись, однако, несколько позднее, когда мы подошли к Фальмуту. Здесь одну из групп встретили уже два эсминца. Один из них, вопреки принятым на море обычаям, не постеснялся даже самым хулиганским образом разрезать строй колонны, пройдя на полном ходу в четырех-пяти метрах от борта одного сейнера, ставя тем самым под угрозу жизнь его экипажа. Мы ясно видели, что эсминца нас все время фотографировали. Этим же занимался во время бурюнок наших судов в Фальмуте и английский военный катер. Он делал вокруг «Тамбова» по крайней мере пять кругов, снимая

его со всех сторон. Английская морская разведка пополняла свои архивы фотографиями советских рыболовных судов!

После того как мы снялись с внешнего рейда Фальмута, ветер резко усилился. Было решено укрыться на время в бухте Маунтбейт за мысом Лизарт. Не успели мы еще бросить якоря, как в бухту явился авианосец в сопровождении эсминца. За мету мимоходом, что тоннаж одного этого авианосца был в несколько раз больше тоннажа всех наших судов, вместе взятых. С авианосца взлетели истребители, которые начали «учения» буквально над нашими головами. Когда они убрались, появился самолет полуспортивного типа, с которого также принялся усердно фотографировать наши суда. Его сменили два пикирующих бомбардировщика. Эти все суда уже совершенно нагло и явно провокационно пикировали на сейнеры и траулеры, пронеслись над мачтами на бреющем полете, с ревом пролетали между судами над самой водой.

Когда мы стали сниматься с якоря, неожиданно слякис с якоря и авианосец с эсминцем. Мы уже думали, что они убрались по-своему, но выяснилось, что авианосец ждал нас у выхода из бухты. Тут же оказался почему-то и другой корабль — типа «Либурти», лежавший у нас по курсу в дрейфе. Мы только собрались его обогнать, как вдруг «Либурти» внезапно пад ход и ушел вместе с авианосцем.

Наконец, возле марокканского берега, где мы укрывались от жестокого десятибалльного шторма, нас почил вниманием четырехмоторный бомбардировщик «летающая крепость» с опознавательными знаками американских военно-воздушных сил. Не знаю, откуда он взлетел — с английского или африканского (с французского или испанского) аэродрома. Во всяком случае ясно, что машина прилетела не из США. «Крепость» кружила над нами на малой высоте весьма долго, видимо, ей очень хотелось что-то высмотреть.

Но что могли высмотреть американские пилоты? И чего вообще желали добиться те и другие самолеты, катеры, эсминцы? Может быть, им хотелось узнать, чем мы занимались, проходили по Ламаншу?

Это не составляет тайны. На этот вопрос, если бы он был задан, мы могли бы точно ответить. Наши члены экипажа вели обычную службу. Другие, свободные от вахты, читали романы Горького, Толстого, Бальзака, Дикенса (все эти книги имелись в наших судовых библиотечках), слушали радиопрограмм из Москвы о футбольных матчах, устраивали шахматные турниры на переборку своих судов и даже шахматные матчи между экипажами по радио, собирались по утрам на полтиформации, где узнавали передалекие по радио новости о жизни в советской стране, о международном положении.

Этим ли интересовались господа британцы? Или, может быть, им хотелось испугать нас так же, как они пытаются загнать своих советских партнеров? Наверно, хотелось. Но не вышло. Провокационные демонстрации их военных кораблей и эсминцев вызвали лишь презрение, а не страх. Этими неуными демонстрациями, направленными против маленьких рыболовных судов, они лишь опозорили свои вооруженные силы, флот, авиацию.

Нагнать нас они не смогли, спровоцировать — также, отвлечь от порученного нам дела — тем более. Мы свое выполнили. И для нас лучшей наградой были слова радového черноморского рыбака тов. Девятова, который на митинге в Новороссийском порту поблагодарил участников перегона за доставку пополнения для черноморского рыболовного флота и заверил собравшихся в том, что на этих прекрасных судах рыбаки Черноморья в ближайшее время увеличат лов рыбы.

НОВОРОССИЙСК, 22 июня. (По телеграфу).

По следам выступления «Литературной газеты»

«ВТОРОЕ ПИСЬМО ВРАЧА»

В № 31 «Литературной газеты» от 15 апреля с. г. была помещена статья О. Джигурды «Второе письмо врача» о плохой работе предприятий медицинской промышленности.

Исполняя обязанности министра здравоохранения СССР тов. А. Шабанов сообщил редакции, что 19 мая с. г. коллегия министерства обсудила статью и признала высказанные в ней замечания справедливыми.

Автор, говорится в письме министерства, правильно указывает на недостатки

вортельное качество шприцев, некоторых хирургических инструментов, отсутствие запасных частей к отдельным медицинским приборам и аппаратам, низкое качество резиновых изделий. Справедливы также замечания автора об отсутствии во многих аптеках отдельных видов санитарно-гигиенических изделий.

Жалобы на некачественность хирургического инструментария объясняются тем, что вследствие недостаточной гибкости товаропроводящей сети изделия выпуска прошлого и текущего года еще не поступили

во все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Естественно было бы ожидать, что обсуждение на XIII пленуме правления Союза писателей вопросов литературной критики должно было поднять уровень критики.

Безусловно, некоторое оживление произошло, но говорить о серьезном переделе все еще не приходится. А некоторые факты подтверждают, что еще делаются попытки возродить давно забытые и, казалось, похороненные теории.

Такой смысл имеет статья А. Белки «О некоторых ошибках в литературоведении», опубликованная в журнале «Октябрь» (№ 2, 1950 г.) уже после пленума и представляющая собой явление, нетерпимое для нашей печати. Вреднейший характер этой статьи, вулгаризирующей вопрос о социалистическом реализме, о роли классического наследия, был до конца вскрыт в статье газет «Правда», «Культура и жизнь». «Литературная газета».

Неверно считать, что А. Белки — типическое явление для современной критики. Нет, это исключение, пример до крайности озабоченный, даже противостественный. Но нельзя не видеть, что некоторые из установок Белки еще встречаются порой и в других критических выступлениях.

Уже не раз критиковались статьи М. Шкерина, опубликованные в журнале «Октябрь», проникнутые духом вулгаризаторства и литературной группировки.

Отрицательная оценка заслуживает выступление В. Бутусова в журнале «Октябрь» (№ 3). Вышло в свет академическое собрание сочинений А. С. Пушкина. Это — большое событие в развитии нашей культуры. Однако оно вызвало у В. Бутусова один лишь равнодушный упрек и заухватительные выпады.

Другой пример — статья Евг. Брандиса «Расторжение в обожествленном космосе...», опубликованная в журнале «Звезда» (№ 3). Статья эта ополчается ответственную задачу борьбы с космополитизмом.

Свалив в одну кучу учебные пособия и программы по зарубежной литературе разных лет издания, Е. Брандис псевдонимует все это не иначе, как «опусы», «псевдонаучная страна». Читателям навязывается

представление, что дело преподавания зарубежной литературы у нас поставлено прямо-таки безнадежно плохо. А ведь только в нашей стране дается настоящее, правильное толкование зарубежной литературы. Е. Брандис в категорической форме утверждает всех авторов в космополитизме, но обвинения эти во многих случаях остаются без каких-либо доказательств.

Подобного рода факты нетерпимы. Мы обязаны до конца изжить в критике отвратительный дух сепаратизма.

За последнее время появились ряд пенных, содержательных статей. Интересна статья Ю. Жукова «Два космополитизма», опубликованная в «Новом мире» (№ 3). От многих других статей, разоблачающих растленную буржуазную культуру, она отличается серьезными достоинствами. Главное — это умение автора убедительно вскрыть политическое значение космополитической идеологии в современных условиях. Ю. Жуков обнажает самые корни космополитической идеологии, связь сартов с долларовой политикой США.

Фронт борьбы с глубоко враждебной нам космополитической идеологией должен быть расширен и углублен в литературной критике. Эта борьба — не кратковременная кампания, а одна из сторон общей борьбы за мир и демократию, против поджигателей новых войн. Следует сказать, что критика наша еще недостаточно мобилизовалась на борьбу за мир.

Улучшилось освещение литературы стран народной демократии. В респини этой политически важной темы вперед идет журнал «Знамя». Здесь чаще, чем в других журналах, можно встретить статьи о литературе стран народной демократии. О польской современной прозе написал П. Зяблов, о болгарском поэте Ванпарове — Л. Фейгельман. Хотелось отметить содержательную статью Е. Кирилова о омахах чешской писательницы Марии Пуймановой («Знамя» № 5).

И все же в освещении проблем развития литературы стран народной демократии

сделано пока еще очень мало. Литература этих стран нуждается в более пристальном внимании.

Положительное надо оценить предпринятый критиками пересмотр некоторых прежних литературных авторитетов. В «Новом мире» (№ 1) такое значение имела статья В. Вайдаева «Проповедник космополитизма», убедительно доказавшая чуждость идейных и творческих позиций А. Грина, вскрывшая эстетские заблуждения Е. Паустовского, М. Слонимского, Л. Борисова, которые превозносили А. Грина.

Более обширную задачу поставил перед собой А. Тарасенков, выступивший в журнале «Знамя» со статьями «О национальных традициях и буржуазном космополитизме» (№ 1, 1950 г.). Автор стремится конкретно разобраться в том, что такое национальная традиция в настоящем своем значении и что из культуры прошлого неприменно для современности. Первая часть статьи А. Тарасенкова читается с интересом, значительно по содержанию, но вторая часть — о конкретных проявлениях враждебных тенденций во многом мелочит тему, сводит ее к отдельным немногим и двубок не всегда достаточно убедительным примерам.

Боевой, самостоятельный тон отличает статью В. Соловьева «О новаторстве и традициях» («Знамя» № 3), ставящую некоторые вопросы теории в связи с творческой практикой. Положительная общая заостренность статьи против проявленной формалистических тенденций. Но ряд примеров, приведенных в статье В. Соловьева, — о И. Сельвинском, переосмыслении стиха Л. Озерова, о П. Антокольском и его суждения о поэме С. Мирсанова «Небо над Родиной» и др. — уже давно критически оценены писательской общественностью, и вряд ли стоило снова к ним возвращаться. Самая интересная и наиболее самостоятельная часть этой работы В. Соловьева начинается с главы «О стихе «классическом» и «вольном». Убедительно показав автором, что так называемый «классический» стих существует в современной поэзии не в старом своем состоянии. Он непрерывно развивается, и это развитие обусловлено его новым содержанием.

Положительной оценки заслуживают и некоторые статьи последнего времени, по-

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

о все лечебные учреждения, которые продолжают пользоваться инструментами устаревших образцов. По той же причине в ряде аптек нет на местах некоторых медикаментов, выпускаемых промышленностью в достаточном количестве.

Министерство принимает меры к ликвидации указанных в письме О. Джигурды недостатков. Национального Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Прокофьеву дано указание об улучшении работы товаропроводящего аппарата аптечной сети.

НАРОД НЕПОБЕДИМ!

Второй съезд писателей Татарии

Перед нами усталая и замученная женщина, но ее лицо освещено внутренним светом, волею к борьбе. Это бешавшая из фашистского концлагеря коммунистка Ганна Лихта. Она бежит по лесу, прячется за толстыми стволами деревьев, она смертельно устала, но остановиться нельзя. Ганна Лихта спасает не только свою жизнь — ее ждет борьба, ее ждет народ, который не хочет жить под фашистским игом. Собрав последние силы, она перешагивает реку и уходит от своих преследователей. Двери крестьянского дома открываются перед ней. Ее прятать от ворвавшихся в деревню фашистов и помогают добираться до партизанского отряда, где сражается хозяйка этого дома, Коста Варра. О ней говорят:

— Беде, веде, где сражались за свободу, там была Ганна Лихта. В Испании, в Чехословакии, в подполье. И партизан на них люди прозвали ее «советской партией».

Это наша первая встреча с Ганной Лихтой. А затем с ней, с матерью, потерявшей двух детей в борьбе за свободу, мы встречаемся уже после победы над фашизмом, на открытии памятника советским воинам-освободителям. Теперь она — заместитель премьер-министра в новом правительстве народно-демократической республики.

Это только начало фильма «Заговор обреченных», посвященного борьбе за укрепление народной власти, борьбе за мир и свободу против поджигателей войны, против черных алмашиков Уолл-стрит, старавшихся опутать нитями заговоров все страны света. «Заговор обреченных» — картина о пути страны народной демократии к ее нерушимой дружбе с знаменосцем мира — Советским Союзом, о росте смелых и сильных людей из народа, разоблачающих предателей и твердо верящих в свою победу и побеждающих.

Образ Ганны Лихты — центральный образ фильма — одна из главных тем создателей картины. Много любви и тепла вложили в этот образ драматург Н. Вирта и режиссер М. Калатозов, с большим мастерством и вдохновением сыграла свою роль артистка московского Театра транспорта Л. Скопина. Артистка театра естественные и нужные краски. От первого до последнего кадра мы горячо верим Ганне. Вот Ганна Лихта выступает на митинге в честь открытия памятника советским воинам — ее глубокий, чистый голос звучит неподдельной верой и силой. Вот она произносит в парламенте страстную, разоблачительную речь, раскрывающую сущность «плана Маршалла», — и каждая интонация и жест убеждают нас в правоте этой женщины-трибуны и борца, народной героини. Твердо и жестко звучат ее слова, когда после болезни она собирает членов правительства, тех самых министров, которые, обманывая народ, готовят заговор против своей родины. Материнская боль и любовь к своим погибшим сыновьям прекрасно переданы артистой в сцене с Магдой.

Ганна Лихта в исполнении Л. Скопиной — живой, вдохновенный человек. Это народный вождь, наминающийся облик Долорес Ибарури, государственный деятель, наминающийся облик Анны Паувер. Поэтому так люто ненавидят Ганну американский посланник Мак-Хилл, предатель народа — Гуго Вастис, Христина Падера и им подобные. Поэтому Ганна Лихта возбудила открытую и большую любовь своего народа, и эту любовь раздают зрителям.

Рядом с Ганной Лихтой живут и борются ее друзья Николо Слобено (В. Аксенов), журналист Макс Вента (П. Калочников), крестьянин Коста Варра (В. Ситко), лидер левых социал-демократов Марк Нино (В. Дружников). Все они — честные представители своего народа, хотя и раз-

«Заговор обреченных» — цветной художественный фильм. Сценарий Н. Вирты, постановка М. Калатозова, главный оператор М. Матисон, художник И. Шинель, композитор В. Шебалин. Производство «Мосфильм», 1950.

ными путями приходят к пониманию своего места в борьбе. Если для коммунистов Слобено и Вента борьба за социализм и демократию — их единственная и давно избранная цель, если для представителя земледельческой партии фермера Косты Варра приход к этой борьбе продиктован всей его жизнью, то для социал-демократа Марка Нино он связан с тяжелыми раздумьями, с разрывом со своим отцом — лидером правых социал-демократов, социал-предателем Иохимом Нино.

Эти люди вместе с большинством народа представляют в фильме лагерь мира и демократии. В «Заговоре обреченных» ярко показан и другой лагерь — лагерь поджигателей войны, лагерь предателей своего народа и своей родины. Это, прежде всего, главнокомандующий и дикатор заговора — американский посланник Мак-Хилл (М. Штраус), крупный промышленник, лидер партии католиков Гуго Вастис (В. Марута), лицемерный и вероломный кардинал Вирч (А. Вертинский), бывший гестаповец Куртов (О. Жаков), американский журналист Кира Рейчел (В. Серова), генерал Брауна (Р. Пятт), монах и эмигрант Иеса (И. Бобров), социал-предатель Иохим Нино, блестяще сыгранный И. Судаковым, и, наконец, лидер партии националистов Христина Падера в исполнении С. Пиялявской. Здесь все грани и оттенки человеческой мерзости. Но это не маски и не схемы. Это глубоко реалистические образы. В исполнении большинства ролей вложено много труда и таланта.

Задача, которую поставил перед своими агентами американский посланник Мак-Хилл, — заставить измученный голодом народ принять «план Маршалла». И для выполнения этой задачи они не останавливаются ни перед какими средствами: организуется покушение на Ганну Лихту, приводятся в действие все католическая машина угроз и запугивания верующих людей, из страны пытаются увезти в Югославию хлеб с тем, чтобы потом этот же хлеб вернуть в республику в качестве «американской помощи», и т. д.

Во все эти попытки пособников империализма оказываются безрезультатными: «план Маршалла», несмотря на предательство правых социал-демократов, проваливается в парламенте, который принимает решение послать делегацию в Советский Союз для подписания пакта о дружбе и взаимопомощи. Тогда кучка человеконенавистников и предателей переходит к организации заговора и военного путча сначала на юге, а потом и во всей республике, готовится захват власти националистами и католиками.

Но силы мира и демократии разгадывают преступные планы предателей, военных путч сорван, Мак-Хилл должен в 24 часа покинуть страну, заговорщики арестованы. Это был заговор обреченных. История последних лет подтвердила

жизненность и правдивость ситуации, положенной в основу фильма.

И был в Венгрии незадолго до процесса Ласло Райка и его сообщников. Я видел венгерский народ и его непреклонную готовность к борьбе за мир и свободу. Все мы помним суд над предателем и шпионом Райком. Все мы помним процесс группы Трайчо Костова в Болгарии. Эти люди пролежали в правительстве, иногда даже в коммунистическую партию, жили двойной жизнью, не брезгая самыми грязными методами борьбы и предательства. Народ подписал им смертный приговор.

Еще не высокая типографская краска газет, которые напечатаны корреспонденции о суде над шпионами в Чехословакии и суде над предателями в Чехословакии. Заговор против народа, против республики был возмущен так действительной быстрой партией народных социалистов Милядой Гораквой. Вся подрывная шпионская деятельность велась в тесном контакте и часто под непосредственным руководством дипломатических представителей западных стран, в том числе бывшего посла США в Праге Лоуренса Штейнгарта.

Я и мои товарищи, сидящие в зрительном зале на просмотре фильма «Заговор обреченных», никогда не видели Лоуренса Штейнгарта. Но он приобрел для нас плоть и кровь в образе Мак-Хилла. Мы никогда не видели Миляды Гораквой, и народ Чехословакии никогда не мог увидеть ее. Но Христина Падера перед нами. Это змея в образе женщины. Христина Падера в изображении С. Пиялявской — это не гротеск. В начале фильма в ней — министр продовольствия нового народно-демократического правительства — зритель еще не разгадывает подлинное ее существо. Она была в борющейся Испании. Она была в подполье, когда в стране хозяйничали фашизм. Она никогда не выступала против коммунистов. Но все эти заговоры сходятся в маленького соратника Христины Падера — помощника министра продовольствия, бывшего гестаповца Куртов — по ее приказу совершается покушение на Ганну Лихту. По ее приказу составляются списки честных и преданных народу людей, которых гестаповец Христина Падера собирает расстрелять. Она перехитрила даже самого кардинала Вирча — ловкого и хитрого негодяя, наместника его святительства папы римского. Доверенное лицо Вирча — монах и убийца Иеса — одновременно состоит на службе и получает жалование у гестаповца Падера. Министр продовольствия — она организует голод в стране. Такова гонимая Христина Падера, человек без сердца и без родины, для которого уже давно каменные бы то ни было заменены звоном доллара.

Еще более выразителен в фильме образ лидера правых социалистов, министра го-

сударственной безопасности, а затем председателя парламента господина Иохима Нино, созданный артистом И. Судаковым. Иохим Нино — лаяк, пражущий свою лакейскую душу под благообразной внешностью и социалистической фразеологией. Говоря о своих «честных идеалах» и называя себя «борцом за свободу», он на протяжении всего фильма двудеиствует и двурочничает. Гневно клеймил покушавшихся на Ганну Лихту, министр государственной безопасности, в сущности, но может укрыться виновным. Обещая коммунистам поддержать их в парламенте при голосовании против принятия «плана Маршалла», господин Нино в последнюю минуту поднимает руку за этот план. При этом он продолжает заявлять, что защищает права народа на свободу и независимость. Наиболее яркая, пожалуй, сцена, — в которой господин Нино окончательно сбрасывает с себя маску социал-демократа. Сначала он в присутствии Мак-Хилла даже разрешает себе, как социалисту, поболтать о том, что не позволит иностранцам вмешиваться в дела своей страны. Но когда гонимый американцем приказывает ему замочить руку за этот план. Нино поднимает, торгуясь о том, что он получит, если поддержит американцев.

Шаг за шагом разоблачен матерого социал-предателя Нино, Судаков создает верный психологический рисунок этого образа. Кучка мелких обманщиков и торговцев своей родиной разоблачена и нейтрализована. Их будут судить честным и правдивым судом народа, являющегося подлинным героем фильма.

Народ в фильме — не безликая масса, он живет и действует, он присутствует в картине непрерывно, его честный, смелый голос мы слышим в словах Ганны Лихты и Косты Варра, Марка Нино и Никола Слобено, Марка Нино и Стебана. Именно в образе свободолюбивого, талантливого и смелого народа — основной удача фильма «Заговор обреченных». Когда в парламенте заговорщики пытаются протолкнуть «план Маршалла», голос народа звучит не только в речах представителей лагеря мира и демократии. Он проникает с площади, с вокзала и стеной здания, под сводами зала. После того как Иохим Нино не дает слова Косте Варра, Коста Варра выходит из зала и возвращается с делегацией народа. Председательствующий не в силах не дать им говорить.

На лозунгах и плакатах демонстрантов и здания парламента написано: «План Маршалла — наша смерть», «Мы хотим жить», — и мы видим железнодорожников и десорубов, металлистов и текстильщиков, мы видим матерей, катящих детское коляска. Вся улица наполнена ими. Тысячи женщин везут своих детей к парламенту. Дети должны жить и будут жить в свободной стране. Они должны быть и будут счастливыми.

Фильм заканчивается незабываемой сценой, когда депутаты парламента вместе с народом принимают письмо тому, кто освободил их землю и прислал им хлеб, — великому Сталину. Это письмо звучит, как клятва:

«Клянемся Сталину и советскому народу беречь свободу и независимость нашей страны...»

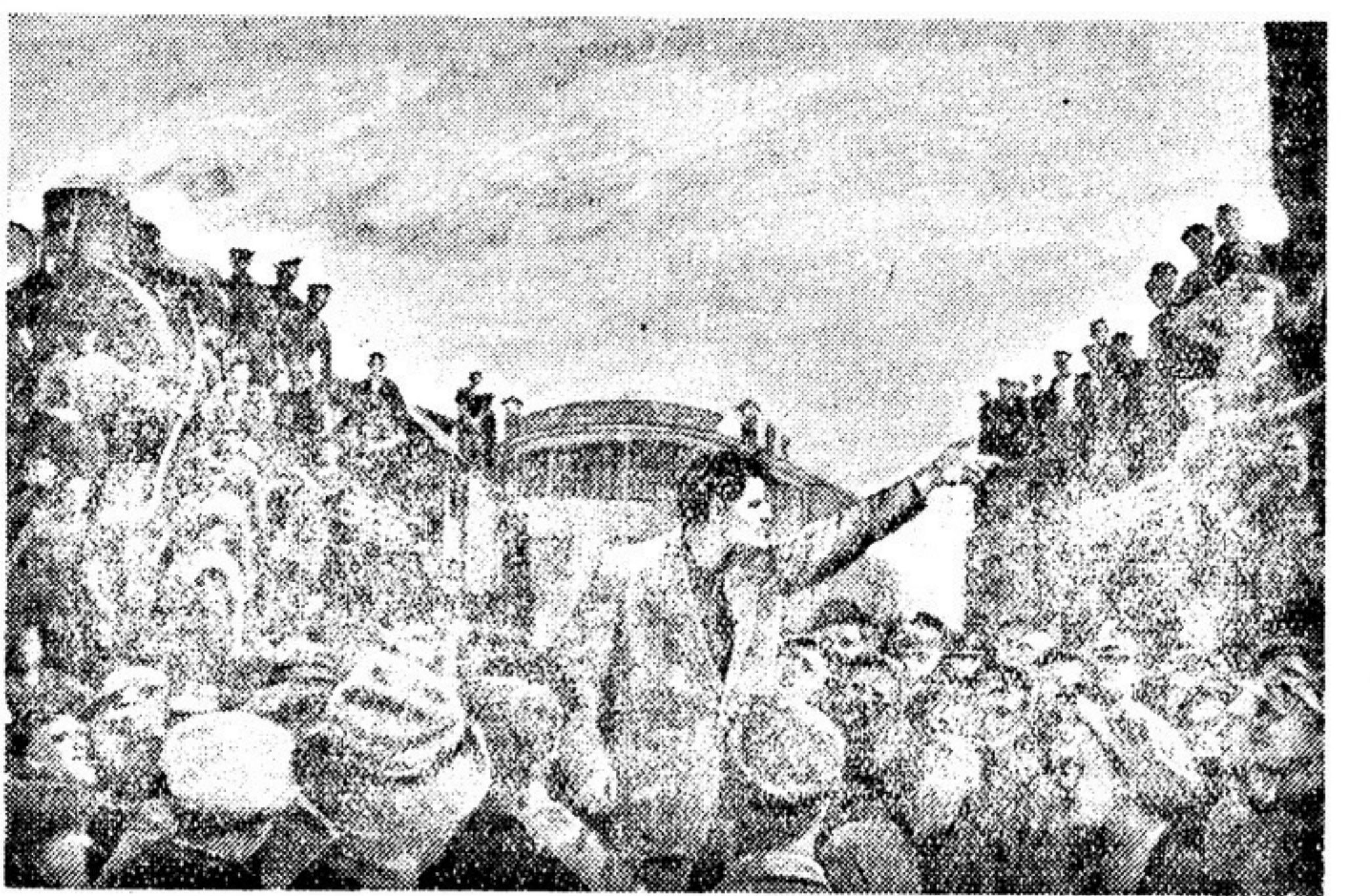
«Клянемся бороться за мир и свято храним нашу дружбу с великим советским народом и странами народной демократии».

Вся площадь повторяет слово «Клянемся».

Земледельцы поднимают вверх снопы и потрясают ими. Множество голубей мира взлетают над площадью.

Народы всех стран подписали свой бесповоротный приговор поджигателям войны. Народы хотят мира и счастья, свободы и независимости.

Волнующий, правдивый и талантливый фильм «Заговор обреченных» — значительный вклад советских художников в борьбу за дело мира.

Кадр из фильма «Заговор обреченных»

Второй съезд татарских писателей состоялся в знаменательные для Татарии дни, накануне тридцатилетия республики. К знаменательному юбилею писатели пришли с новыми достижениями.

В последние годы прозаики, поэты и драматурги Татарии создали значительные художественные полотна: романы «Честь» Г. Баширова, «Весенние ветры» К. Нажми, «Золотая звезда» А. Абсалямова, «Дети нашего времени» Г. Губай, поэмы «В колхозе «Зари коммунизма» А. Давыдова, «По большому дороге» С. Батталта, «Путь славы» З. Нури, песни М. Амра, Т. Гиззата, А. Ахметова и другие. Но, как справедливо отметил в своем выступлении на съезде секретарь обкома ВКП(б) тов. Рахматуллин, татарская литература не удовлетворила возросших запросов трудящихся республики.

Отчетный доклад правления ЦСР Татарии не дал серьезного анализа недостатков работы правления, не вскрыл их причин. Большинство участников в своих выступлениях стремились ответить на вопросы: что тормозит поступательное движение татарской литературы, как преодолеть ее недостатки и слабости? Выступавшие А. Абсалямов, Г. Баширов, М. Амра, А. Давыдов и другие указывали на недостаточно глубокое изучение писателями богатой действительности, на узость тематики произведений. «Поднять новую тему, конечно труднее, чем в тысячный раз написать о труде и соловьях, но мы не должны бояться трудностей», — сказал Г. Баширов. Созданию правдивых, новаторских произведений мешали, по словам Баширова, слабая связь татарских писателей с литературной жизнью всей страны, недостаточное использование опыта литературы других республик.

М. Амра привел показательный факт: за последние семь лет татарские драма-

турги написали около 130 пьес, а пригрозивших к постановке на сцене оказалось лишь 10—15.

В ряде выступлений и в докладе Г. Камшафа были подняты вопросы художественного мастерства. Было отмечено, что критика еще плохо помогает писателям.

А. Фаиз указал на абстрактность критических статей, на отрыв формы от содержания при анализе художественных произведений.

Критики не дали еще полноценных статей о творческом пути того или иного современного писателя, редко ставят проблемы эстетики. Нет работы о воспитании новых критических кадров.

До сих пор неблагоприятно в республике с изучением классического наследия. М. Махмуд на конкретных примерах показал ошибки критиков, не давших правильной оценки творчеству классиков.

На съезде отмечалось отставание детской литературы, пассивность редакции журнала «Совет эдебияты», слабая работа русской секции, которая была «лапшиком» у прежнего правления, невнимательное отношение правления к молодым писателям. За последнее время ни один из них не был принят в члены Союза советских писателей.

Правление союза (и в особенности бывший председатель А. Ерикеев) проявило равнодушие к судьбам литературы; оно пошло по пути семейственности, зажима критика, нарушения принципа коллегиальности. Съезд принял неудовлетворительную работу правления.

Избрано новое правление Союза писателей Татарии. Правление избрало председателем Г. Губай, заместителем председателем — М. Амра и А. Исхака и секретарем правления — С. Валди. Редактор журнала «Совет эдебияты» утвержден Г. Камшаф.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Вышел шестой — июньский — номер «Нового мира». Журнал привлекает внимание читателя тематическим и жанровым многообразием материала.

В номере шестом напечатано окончание первой книги романа Л. Кабо «За Днепром», повествовавшего о первых месяцах жизни залестровской Молдавии после ее воссоединения с Советским Союзом. Произведение широко задумано, последующие книги должны охватывать период Великой Отечественной войны и послевоенные годы.

Опубликована в журнале лирическая комедия А. Корнейчука «Калиновка роща».

Поэзия представлена новым стихотворением А. Твардовского «22 июня 1941 года» и циклом стихов Владимира Федорова «Белгород». Печатаются одиннадцать стихотворений впервые выступавшего на страницах большого журнала молодого поэта, «Новый мир» дает возможность по-настоящему познакомиться с ним и оценить несомненно свежий поэтический голос.

Наиболее интересным представляется нам стихотворение «Молодой театр» и «Первый шаг», рассказывающие о первых творческих поисках и первом успехе молодых актеров-комсомольцев и о приходе в класс молодой учительницы, а также стихотворение «Наша родословная» и «Улица юности» — вещь, название которой значительно для всего цикла.

Читатель, хорошо знающий статьи Юр. Королькова, корреспондента «Правды» в Германии, с интересом прочтет его записки «В Западной Германии», где на большом фактическом материале с публицистическим темпераментом разоблачаются англо-американские империалисты и их бюрократические прихотливы, превращающиеся в злобу для новой войны. В огледе «На зарубежных темах» опубликована также статья Б. Быковского «Современный фильм», характеризующая человеконенавистническую сущность современных религиозных и «философских» оруженосцев Уолл-стрит.

В разделе «Литературная критика» напечатаны статьи Г. Ленова «Советский читатель и художественная литература», М. Солонина «Некоторые вопросы истории среднеазиатских литератур».

«Новый мир» рецензирует в «Книжном обозрении» не только художественную литературу, но и книги по истории, технике, праву, сельскому хозяйству, химии, археологии. Журнал печатает также библиографию книжных новинок. На этот раз в нем

опубликована библиография новинок, выпущенных декадедцатью издательствами.

Жаль, что журнал, упорно работающий над расширением жанрового многообразия, почти не печатает рассказов. За полгода был напечатан только один рассказ.

С. ЛЬВОВ

Во второй книге альманаха «Дружба народов» привлекает внимание обширный раздел «Трибуна писателей», посвященный теме: «Маяковский и советская многонациональная поэзия». На страницах альманаха выступили четырнадцать видных поэтов советской страны; они рассказали о том, какую грандиозную роль сыграл и играет Маяковский в развитии национальной поэзии и в их творческой судьбе.

Ценный и живой материал! Перед читателем раскрывается значение великого поэта, примером своего творчества помогавшего народам братских республик достойно и верно служить народу, «класть в коммуноную строчку слово-кирилич».

Г. Леонова, говоря о наследии Маяковского, делится вместе с тем воспоминаниями о поэте. Содержательная заметка С. Мукаванова. Самед Вургул рассказывает о сложной борьбе в поэзии Азербайджана, о том, как Маяковский вел поэтов в цветущий сад советской действительности и, подобно садовнику, разстилал их. Ем. Буковинин о выразительной силе стихов поэта, сыгравшего большую роль в политической борьбе передовой молдавской молодежи.

Круг проблем, затронутых в разделе, широк. Расаул Гамзатов и другие поэты ставят давние проблемы перестройки работы. Инициатива редакции нельзя не приветствовать, хотя и не все высказанные замечания. Слабее других заметка Р. Нигматулина, недостаточно конкретна статья М. Миршарара. В целом же — отличный посыл!

В альманахе помещена также повесть Павло Антоновича «Без меня». Тема ее — коллективизация в Галиции. Стихи А. Белоконькина, А. Кочергина, татарского писателя Амраханова Ешкеева «Солнечное утро» и азербайджанского писателя Мир Джаляла «Наша книга» дополняют литературный раздел. Хорошо, что «Дружба народов», в прямой укор толстым журналам, не пренебрегает рассказами, ищет их

А. ДРОЗДОВ

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

Вот рецензия Л. Скопиной на роман А. Чаковского «У нас уже утро» («Новый мир», № 3). Прочитав эту рецензию, вряд ли захочешь познакомиться с романом Чаковского. Л. Скопину не выявила идейное и художественное содержание романа, не раскрыла его живое и острое содержание.

Изучение явлений действительности должно сочетаться у критика с большой идейно-теоретической работой: мы должны учиться сопоставлять и сравнивать явления, уметь глубоко понимать ведущие черты нашей современности.

Народ и партия обязывают писателей повысить идейно-художественное качество произведений, требуют высокого мастерства. Как помогает этому литературная критика?

После статьи партийной печати, осуждавшей скороспелое и художественно несостоятельное выполнение писателями некоторых тем, наместился поворот в критике в вопросы формы.

Необходимо отметить, что боязнь ставить эти темы еще не преодолена. Еще очень часто критик, рассказав о теме, о содержании произведения, под конец переходит к форме и бросает стандартную фразу: «Однако не все удалось писателю...» и начинается беглый разговор о том, что язык порой заслоняет, что такой образ не вполне ясен.

В этом проявляется разрыв формы и содержания, представление о форме как о чем-то внешнем.

Было бы неправильно приписывать этот упрек всей без исключения критике. Статья М. Бубенинова о романе В. Катаева являлась хорошим примером единства анализа содержания и формы. Можно указать также на лучшие статьи В. Ермидова, Е. Усеневича, В. Перцова и других. Но важно, чтобы анализ идейных особенностей произведения в неотрывной связи с анализом художественной формы давала вся наша критика.

Сводя эстетический анализ только к разговору об отдельных «недостатках», критика нередко обедняет и упрощает представление о нашей литературе. Творческое своеобразие писателей часто, непонимая становится, что, например, означает одно произведение на колхозную тему от другого, какие новые стороны своего де-

ривания развил и обнаружил тот или другой писатель.

Овладевший подлинным мастерством идейно-художественного анализа — одна из важнейших задач современной критики.

Надо создать такую атмосферу, когда труд критика был бы у нас окружен и вниманием и заботой. А это значит, что работа критика должна быть больше, чем это наблюдается сейчас, быть предметом обсуждения в печати, на собраниях.

Критика — участок сложный, требующий к себе постоянного внимания. Это можно показать на примере большого принципиального значения — на критической литературе о Маяковском.

За последнее время издан ряд новых книг о Маяковском. Это книги А. Колосова, С. Трегуба, П. Маслина, статья Е. Усеневича и др. В журналах публиковались статьи о Маяковском. В журнале «Знамя» систематически помещаются статьи о Маяковском. Следует отметить работы молодого критика Д. Молдавского, который влезал за изучение влияния Маяковского на литературу братских народов. Вся эта разнообразная и, по существу, коллективная работа полезна, нужна, и следует ожидать в ближайшем будущем новых исследований.

В критической литературе о Маяковском идет борьба разных тенденций. Вот перед нами работы, во многом противоборствующие. Это книга С. Трегуба «Живой с живыми» (1949 г.) и две статьи Е. Усеневича о Маяковском (в сборнике «Книги и жизнь» и в «Новом мире», № 4, 1950 г.), представляющие часть ее большого труда о Маяковском.

Новая книга С. Трегуба «Живой с живыми» отличается ясностью позиции. Она посвящена актуальной теме — живому значению поэзии Маяковского для современности. Книга написана с темпераментом, боевым задором, и потому особенно важно понять, насколько правдиво и глубоко решал С. Трегуб свою ответственную задачу.

Книга пропитана чувством большой любви к Маяковскому. Но тем отличнее бросается в глаза слабость исследовательской базы в книге. С. Трегуб непрерывно декларирует, провозглашает, агитирует, но ему часто не удается пойти вперед, быть новатором-исследователем, серьезно и обстоятельно аргументировать свои положе-

ния. Лишь в статье — «Поэтический памятник Ленину» — есть исследовательский пафос, и это самая сильная статья.

Но настоящий спор с С. Трегубом начинается там, где он с необыкновенной легкостью стремится оправдать футуризм. Говоря о декадентском сборнике «Иощечина общественному вкусу», С. Трегуб делает вывод: «Это была пропашка поэтической почвы, куда предстояло бросить семена зреющего революционного сознания». Метафора пышная, но глубоко неверная, направленная к оправданию футуризма.

Снимает С. Трегуб и противоречия в творческом пути Маяковского. Он пишет: «...это не значит, что мы предлагаем рассматривать Маяковского с первых же шагов как сложившегося коммунистического поэта и не замечать заблуждений на его творческом, богатом исканиями, пути. Заблуждения, конечно, существовали». А затем объясняет, что это были ошибки, «свойственные молодости». А ведь за этим: «достойно удивления и восторга то мужество, с каким он преодолевал свои ошибки».

Вот уж поистине С. Трегуб идет здесь каким-то петляющим путем. Если, оказавшись заблужденным, он ни «свои» ошибки, ни «свои» заблуждения, конечно, существовали. А затем объясняет, что это были ошибки, «свойственные молодости». А ведь за этим: «достойно удивления и восторга то мужество, с каким он преодолевал свои ошибки».

Вот уж поистине С. Трегуб идет здесь каким-то петляющим путем. Если, оказавшись заблужденным, он ни «свои» ошибки, ни «свои» заблуждения, конечно, существовали. А затем объясняет, что это были ошибки, «свойственные молодости». А ведь за этим: «достойно удивления и восторга то мужество, с каким он преодолевал свои ошибки».

В книге С. Трегуба решается боевая тема — жизненной силы традиций Маяковского для современной поэзии. Прав С. Трегуб, когда он разоблачает чуждые влияния в нашей поэзии, как отступленцы от традиций Маяковского. Но замесел показать Маяковского «живым с живыми», выявить действительность его традиций решается в книге преимущественно в негативном плане — в плане разоблачения тенденций, чуждых традициям Маяковского. С. Трегуба интересуют, главным образом, отступления от традиций Маяковского.

Взявшись с действительными отступлениями от традиций Маяковского (стихи С. Маршала, например), С. Трегуб не сумел показать себя критиком принципиальным, когда речь заходит о тех, кого он считает прямыми наследниками Маяковского, о И. Асееве, например. Поэзия Асеева, большого мастера, у нас плохо изучена, нет серьезных статей о нем. Но С. Трегуб отказывает плохую услугу поэту, захватывая его слабые стихи.

В то же время критик говорит о многих поэтах недопустимым в нашей печати тоном, унижающим достоинство писателя. С. Трегуб прав в стремлении разрушить некоторые предубеждения. Его статья о С. Кирсанове так и озаглавлена — «Против предубежденности». Но почему же в таком случае надо создавать предубежденности в отношении, например, С. Шипачева, отказывая ему в праве на лирику раздумья, размышления; в отношении И. Смердякова, представляя его читателем только слабыми сторонами дарования и замалчивая о сильных; и, наконец, в отношении М. Ангер, о положительном труде которой сказано очень и очень неясно. Особенно нетерпимым является тон разговора критика о А. Яшине.

Недавно в «Литературной газете» была опубликована в порядке обсуждения статья С. Трегуба, озаглавленная «Ясности ради» (№ 48). Но, к сожалению, и эта статья ясна не во всех своих частях.

С. Трегуб спорит с теми критиками, которые неверно, искаженно рисуют творческий путь Маяковского, представляя поэта якобы неизменно раздраженным внутренними противоречиями, всюду видят прежде всего эти противоречия и преувеличивают их. Осуждая эти ошибочные представления о Маяковском, С. Трегуб прав: пафос исследования Маяковского должен быть направлен не на высказывание противоречий в творчестве Маяковского, а на исследование боевого революционного пути поэта, который рос, совершенствовался, став лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи.

Это победное движение, этот плодотворный путь, озаренный великими идеями коммунизма, — не только предмет изучения, но и благородный, действенный пример для подражания. Это основное положение статьи С. Трегуба правильно. Но определение творческого пути поэта, которое дано С. Трегубом, вызывает возражения.

Нет сомнения, «Маяковский до революции был поэтом революционным». Выявить определяющее, главное, революционное в творчестве Маяковского — это значит на основе объективного научного изучения в сех этапах всего творчества Маяковского показать, как последовательно крепло и мощно развивалось в нем это революционное начало. Однако нельзя, как это делает

С. Трегуб при анализе пути Маяковского, произвольно брать одно, другое отметить, о третьем умалчивать, пытаться искусственно представить поэта не в з менении и на всем протяжении его творческого пути. Это обедняет представление о развитии поэта и во многом мешает оценить все действительное влияние на него великих идей партии, все значение Великой Октябрьской социалистической революции для творчества В. Маяковского.

Таковы достоинства и недостатки работ С. Трегуба.

Е. Усеневич в статье «Заметки о поэтике Маяковского» берет на себя сложнейшую задачу разобраться в особенностях стиха поэта. Критик приводит слова М. И. Калинин о Маяковском: «Мне кажется, великодушным образом служения советскому народу является Маяковский». Он считает себя бойцом революции и был таковым по существу своего творчества. Он стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений, так что будущие историки наверняка скажут, что его произведения принадлежали великой эпохе ломки человеческих отношений». Из этого определения Е. Усеневич берет, главным образом, последние слова, делая их ключом анализа. Поэтому все положение его статьи — касаются ли они теоретических высказываний Маяковского, стиха его п. т. л., — служат постоянно доказательством, что «ломка человеческих отношений» обуславливала собой все черты, все качества поэзии Маяковского.

Е. Усеневич пишет: «Мы видим резкие контрасты его стихов, передающих великое и низменное, радостное и трагичное, надежды и отчаяние — все, чем насыщена жизнь революционной страны, притом не в отдельных налетах действительности, а в бурных столкновениях, временах и сменах, и всегда в стремлении побороть все чуждое социалистической революции».

«Шершавость, нарочитую затрудненность» некоторых стихов поэта критик определяет, как «способ выражения грубой, неприкрытой жизненной правды, нгой истины, в эпоху ломки человеческих отношений».

Формула «ломка человеческих отношений» принята всеобъемлющий смысл. Но вполне невольно, при слове «настойчивом повторении этой формулы» ускользает поэтический смысл этой домысли, и с ель, по имя которой происходило преобразование, результат слова ста-

рых отношений. Подчеркиваются контрасты, противоречия — «великое и низменное, радостное и трагичное, надежды и отчаяние», а результатом, победой не показаны — по-настоящему. Противоречивость становится основным показателем силы Маяковского.

А если мы обратимся к статье Е. Усеневич «К вопросу об эстетике Маяковского», открывающей сборник «Книги и жизнь» (1949 г.), то увидим, что и тут главная тема — противоречия Маяковского.

В письме товарища Сталина к Демьяну Бедному замечательно сказано: «Это очень хорошо, что у Вас «радостное настроение». Философия «мировой скорби» не наша философия. Пусть скорбат отходатие и отживающие».

Спор с тов. Усеневич — это спор не только о трактовке творческого пути Маяковского, а и спор о сущности положительного героя советской литературы, о методе нашей литературы и литературной критики — социалистическом реализме.

Е. Усеневич, выступая против обедненного, упрощенного понимания действительности, вне ее противоречий, вместе с тем в оценке произведений на первый план выдвигает не изображение писателем победы нового, социалистического, а «муки выხოждения» от прошлого. Так истолковывается, например, роман А. Малышкина «Люди на закате». Недостаток чувства нового склывается и в статье о «Двух капитанах» В. Каверина. И это лишает Е. Усеневич возможности звать писателей к новому, поддерживать ростки нового, т. е. реально воплощать то, к чему обязывает критика метод социалистического реализма.

Два приведенных примера — работы С. Трегуба и Е. Усеневич о Маяковском — показывают, какой сложностью отличается фронт литературной критики как необходимо здесь во многом разобраться, многое усугубить, как нужна здесь атмосфера товарищеской критики, помогающая людям идти вперед. К сожалению, этой атмосферы у нас еще явно недостает, а у некоторых критиков есть и некоторая предубежденность к обсуждению своей работы.

Советская литература находится на подъеме. Этот подъем будет тем значительнее, чем активнее и действительнее будет наша литературная критика.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 51

ПЯТЬ СТРАН

2. ШВЕЙЦАРИЯ

Радостная улыбка озаряет лицо этого молодого рабочего: он собрал у своих товарищей рабочих центральной электростанции в Сент-Ване (Франция) подписи под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. (Снимок из французской газеты «Юманите».)

Миллионы голосуют за мир

ФРАНЦИЯ В ОТКРЫТОМ МОРЕ

«Сегодня, в 19 часов, весь экипаж рыболовного судна подписал воззвание Стокгольмской сессии сторонников мира», — этим сообщением начал свой репортаж с борта французского рыболовного судна «Ф. Т. П.», находящегося в открытом море и направляющегося к берегам Ирландии, специальный корреспондент газеты «Юманите» Жан-Пьер Шаброль.

Вот что рассказал он в корреспонденции, которая передавалась в Париж по радио:

«Море беспокойно, и рыбаки вынуждены тщательно следить за тем, чтобы сеть не зацепилась за какой-нибудь обломок потопленного во время войны корабля. И потому, что все, что находится на борту судна, хорошо знают, что такое война, и потому, что они не хотят новой войны, Стокгольмское воззвание было подписано ими».

Б нам присоединяется также экипаж других судов. В час передала она настраиваются на наши волны. Они слушают нас и в данный момент. Вера, после передачи, с нами о призыве Постоянного комитета. И в открытом море говорят о Стокгольмском воззвании!»

АРГЕНТИНА ЧЕТВЕРТЬ МИЛЛИОНА ПОДПИСЕЙ

Союз молодых патриотов собрал 50 тысяч подписей под Стокгольмским воззванием. Теперь аргентинская молодежь поставила перед собой новую задачу — собрать четверть миллиона подписей.

АНГИЛИЯ ДОЛОИ АТОМНУЮ БОМБУ!

«Будь проклят тот, кто выступил за войну против Советского Союза!»

Долой атомную бомбу! Пусть она ржавеет, пусть гниет на складах там, где лежит. Мир для всего мира, ибо мир является нашей первой необходимостью.

Демонстрация молодых сторонников мира в городе Дублин (Ирландия). Молодежь несет плакаты, призывающие к борьбе против войны. «Нам нужны дома, а не бомбы» — гласит надпись на первом плакате. (Снимок из английского журнала «Эмеллендж».)

Тысячи писем сторонников мира, страстно и решительно требующих обуздания поджигателей войны, получают ежедневно Английский комитет сторонников мира и газета «Дейли уоркер».

Движение за мир в Англии ширится с каждым днем. К 21 июня петиция мира подписана около 600 тысяч человек. К открытию английской конференции в защиту мира, которая состоится в конце июля, намечено собрать два миллиона подписей.

АВСТРИЯ ГРЕТА И ЕЕ ПОДРУГИ

Газета «Эстеррейхтше фольксштимме» приводит следующий трогательный эпизод из жизни школьников Австрии.

«Вот листок, — начала Грета, обращаясь к подружкам, — если мы поставим на нем свои подписи, то это будет означать, что мы против атомной бомбы, которую американцы хотят использовать в новой войне. Многие из нас, как и я, потеряли в последней жестокой войне своих отцов. Если вы не хотите новой войны, то поставьте свою подпись на этом листке».

Едва только Грета спросила: «Кто подпишет?», как все наперебой стали просить у нее листок. Подписи получились не очень красивые, но зато уверенные».

Мое знакомство с швейцарским нейтралитетом началось до того, как я ступил на швейцарскую землю, а именно в швейцарском посольстве в Брюсселе. Перед тем как положить визу на мой паспорт, швейцарский дипломат предложил мне подписать бумажку, гордо именуемую «декларацией». Составляли эту «декларацию» в Берне в политическом департаменте (министерство иностранных дел). Швейцарцы Берна говорят по-немецки, но дипломатические документы пишут по-французски, хотя этим языком не владеют. Я попытался перевести в переводе живописность «декларации», экзотичной как по содержанию, так и по форме: «Нижеподписавшийся г. Илья Эренбург обязуется во время своего предстоящего пребывания в Швейцарии воздерживаться от всякой политической деятельности и в частности не произносить докладов, не показываться на собраниях, как общественных, так и частных, и не устраивать пресс-конференций».

Я не попытался исправить стиль «декларации», но перед словом «собраниях» я вставил «политических». Дипломат сказал, что он по этому поводу должен снести с швейцарским правительством. Что же, каждое правительство тратит свое время так, как оно находит нужным... Я стал ждать результата телефонных переговоров. Он оказался неутешительным: швейцарское правительство не приняло внесенной мной поправки, указав, что мне запрещено показываться не только на политических собраниях, но также «на литературных, культурных, экономических и религиозных». Должен отметить, что дипломат любезно предоставил мне право поспешать кинематограф и первья. «Что значит частное собрание?» — спросил я дипломата. — «Если меня пригласит мой издатель, могу я принять приглашение?». Подумав, дипломат ответил: «Да» — «А если у издателя окажется супруга?» — «Это вполне естественно».

«А если издатель пригласит своих друзей?». Дипломат оживился и поспешно спросил: «Сколько?». Я ему ответил, что я не швейцарец и что у нас, «азнаатов», считается неприличным, будучи приглашенным, допрашивать хозяина, кого он еще позовет. Дипломат вздохнул и сказал, что ему придется снова снести с Берном. Продавая еще час, я узнал, что швейцарское правительство предлагает заменить слова «частные собрания» словами «частные собрания». Меня душила смех, но я сдержался и вежливо поблагодарил дипломата: «Вы истинно великодушны, вы даете мне чудесный материал для статьи».

Как содержание, так и форма «декларации» смущали даже антисоветские газеты Швейцарии. Редактор «Газетт де Лозанн» г. Беген написал: «Мы не сторонники коммунистических методов, но советский строй — это реальность, которую мы должны знать. Мы должны с ним ознакомиться не только по статьям или выступлениям его врагов, но также обобщая с людьми, которые убеждены в его превосходстве. Доклад г. Эренбурга о советской литературе представлял бы большой интерес, и его обещание с швейцарскими писателями, собравшимися на конференцию в Сен-Галле, было бы плодотворным. Нет, все это запрещено... Эренбург уездет от нас, не почувствовав свободного общения с людьми, не узнав ничего о наших желаниях, о наших настроениях, о нашем образе жизни».

Одновременно со мною в Швейцарию прибыл американский генерал Спагте. Его не попросили подписать «декларацию». Если он и не «пропустил докладов», то только потому, что у него другая специальность: бомбардировочная авиация дальнего действия. Он мог, разумеется, «показываться», где вздумается, и он действительно показывался — на на конференции писателей, а на военном аэродроме «нейтральной» Швейцарии в Заанен-Гесте.

Можно привести другие примеры швейцарского «нейтралитета». В Швейцарию было запрещено выступить с лекциями и с докладами художнику Люра, прогрессивному члену французского парламента Пьеру Кот, писателю Симоне Терри, генералу Пети, профессору и деятелю Сайну и другим сторонникам мира. Зато в Цюрихе беспрепятственно выступил г. Черчилль, который говорил не столько о мире, сколько о войне. Бонский «канцлер» г. Аденауэр в Берне свободно оправдывал злодеяния нацистов. Адвокат Петана в Изорни открыто выступил с апологией имени. На «европейской конференции» в Лозанне, в присутствии члена швейцарского правительства г. Эггера, г. Спагте и зятя Черчилля г. Сендса призывали «защитить европейскую цивилизацию от азнаатов». Швейцарские власти дошли до того, что разрешили повсеместно «показываться» гитлеровцу Вирхгофу, который в 1943 г. был назначен гауляйтером Швейцарии на случай оккупации ее германской армией.

Для швейцарского «нейтралитета» оказалось опасным, что я мог бы «показываться» на концерте чешской музыки в Женеве. Но для швейцарского «нейтралитета» вполне приемлема деятельность террористической организации АНАЕ, которая рассылает угрожающие письма государственным деятелям Румынии и Болгарии, французским коммунистам, итальянским левым социалистам. Эта организация издаст журнал «Дефанс де л'Эрон», который редактирует некто Баумгартнер. В журнале можно прочитать: «Мы сообщаем о нашей деятельности за исключением работы регулярных секретных групп... Нам нужны оружие и санитарный материал для наших диверсионных групп... В своей борьбе АНАЕ не чувствует себя связанным никакими законами и соглашениями. Таков «нейтралитет» Швейцарии».

Впрочем, о нейтралитете швейцарцы вспоминают только тогда, когда пытаются списать свои часы покаяния или чехам. Правда, газеты часто философствуют на тему: что такое подлинный нейтралитет? Но эти разговоры вряд ли могут быть названы нейтральными. Г-н Ревердт в «Журнале де Женев» призывает к «обороне против Москвы» и заявляет: «Швейцария — это передовой бастион Запада». Майор швейцарской армии Рапп пишет в «Газетт де Лозанн»: «Вся наша оборонительная система будет направлена против русских... Мы связаны духовно и морально с Западом». Наконец, г. Бовар в

ваемых при сделках за голландские, готовится в Соединенных Штатах. Одновременно с этим американцы отгораживаются высокими поинамиами от швейцарских товаров. Одна из важнейших отраслей швейцарской промышленности — часовая; здесь также наблюдается беспорядочное сокращение производства, переход на укороченную рабочую неделю. Это связано с походом, объявленным американским часовым объединением против швейцарской продукции».

Средний швейцарец еще живет множеством иллюзий. Ему, например, кажется, что он богател в годы войны не потому, что ему повезло, а потому, что он разумнее других. И не видел человека, выпавшего в ружьку, который считал бы себя Сократом, но швейцарцы говорили мне: «Мы спаслись благодаря уму наших политиков и мощи нашей армии».

Швейцарцы naïвно думают, что горами они отгородились от армии других народов. На самом деле швейцарцы отгородились (отнодь не горами) от идей других народов. Двадцать лет назад я писал о Швейцарии: «Изготавливая часы, показывая время с абсолютной точностью, и опаздывая на десятилетия, порой на века — такова судьба этой страны». С тех пор соседние страны пережили многое: приход к власти Гитлера, странную войну, эпопею савайских франтиреров, казнь дуче, раскол Германии, борьбу французом и итальянцем против господ, увеченных военными акциями, эти «детские войны», по логичному швейцарцу, выверая часы, стараются не прислушиваться к ходу времени. И не хочу этим сказать, что был швейцарского буржуа не изменился: здесь можно увидеть те же признаки американизации, что и в других странах Западной Европы. Буржуа мало читает (меньше, чем его отец), не знаком с философскими и политическими проблемами века; несмотря на усовершенствованный холодильник и на радиолампный хронометр, он напоминает тусклое провинциала. Я позволяю себе привести комичный пример. В Женеве сохранился дом, где жил Достоевский. На этом доме хотели прибить лозечку: «Здесь Ф. М. Достоевский работал над своим романом «Идиот». Владелец дома запротестовал: «Идиот» — это оскорбление Женеве, это может оттолкнуть туристов».

Меня пригласили в Цюрихе в гости. Так как я не спросил у хозяина, сколько гостей он пригласит, в гостинию оказались человек двадцать, среди них марл Цюриха. Один из гостей, одетый как шноб, скачущим голосом мне сказал: «Вы утверждаете, что наши газеты пишут неправду о вашей стране? Не думаю... Я, например, читал статью о том, что у вас поезда часто опаздывают. У нас этого не бывает. Если у нас поезда тоже никогда не опаздывают, почему бы вам не написать об этом в цюрихской газете?». Я ответил: «Проблемы железнодорожного транспорта не моя тема. Но я хочу вам сказать, что один русский поезд пришел по-прежнему — поезд в Берлин, только благодаря этому вы остались живы и невредимы».

Подлинный перекресток Европы порой напоминает тупик. Все же люди в здесь начинают просыпаться, осматриваются, задумываются. Угроза войны вывела швейцарцев из оцепенения. Многие видные представители интеллигенции примкнули к движению за мир, среди них эллинист Боннар, автор ценных книг, посвященных культуре Древней Греции, и замечательный художник Эрн. Буржуазная чернь травит этих людей. Я читал грязные статьи о Боннаре. Что касается Эрн, то ассигнация, изготовленные не его руками, были задержаны после того, как он сделал плакат для Конгресса сторонников мира. Эти настоящие большие люди показывают, что в Швейцарии есть не только политический департамент, майор Рапп, биржевые агентства и молоточные курсы».

Г-н Беген напрасно опасался, что я не встречу хороших швейцарцев и не пойму чаяний народа. Правда, мне не удалось побывать на конференции швейцарских писателей, но я знаю по отчетам, что литераторы, собравшиеся в Сен-Галле, обсуждали исключительно вопросы, связанные с их материальным положением. Они не говорили об угрозе войны, об атомной бомбе, о спасении детей Швейцарии. Но мне пришлось встретить немало людей, которые, пренебрегая своим материальным благополучием, ведут благородную борьбу за мир и за честь Швейцарии».

Накануне моего отъезда из этой страны в Бьени собралась национальная конференция сторонников мира. Я не мог на ней присутствовать: конференция сторонников мира не военный аэродром, и советский писатель не американский генерал. Но я был сердцем с швейцарскими друзьями; вечером мне сообщили, что конференция приняла резолюцию, протестующую против недопущения меня на собрание сторонников мира».

Я получил письмо от Комитета свободной молодежи Швейцарии: «С чувством глубокого негодования мы узнали, что правительство запретило вам выступать в нашей стране. Наши предки проливали свою кровь за свободу, а теперь свободное слово у нас задушено. Молодежь просит вас передать сердечный привет советской молодежи, сказать, что юноши и девушки Швейцарии ведут борьбу против покушений на свободу и за сбор подписей под Стокгольмским обращением».

Кто-то рассказал жителю Цюриха о том, что в их городе находится советский писатель, и незнакомец люди принесли меня проведить. Их было много — и рабочие, и студенты, и девушки, и старики. Я знал, что они пришли потому, что верят в советский народ, в его братские чувства ко всем народам. Я ушел из Швейцарии с этим опущенным družьку, человечности, солидарности. Не знаю, с каким чувством покинул Швейцарию американский генерал Спагте, понял ли он, что теперь не восемнадцатый век, когда наместники солдаты Швейцарии умирали за французского короля. Меленко идет здесь время, но все же оно идет, и мне думается, что молодежь Швейцарии откажется от мало почетной роли, которую ей предлагают американцы: впускать Тяеля не станут стрелками во славу акций «детские войны»».

«War-Babies» — Kriegskinder. An dem Kinder hat der Krieg ein großes Unrecht getan — an den Menschenkindern. Фотография пострадавшего во время бомбардировки ребенка, которому оказывается медицинская помощь.

«УОР-БЭБИС» — «ДЕТИ ВОЙНЫ» — листовка, выпущенная Швейцарским комитетом сторонников мира. Слева — рекламное обращение агентства «Аффиде», призывающее покупать акции «детей войны» американских предприятий, выполняющих военные заказы. Справа — фотография пострадавшего во время бомбардировки ребенка, которому оказывается медицинская помощь (см. статью И. Эренбурга).

Ираклий АНДРОНИКОВ

ГЁТЕ ПОШЕЛ С МОЛОТКА...

Подняв молоток, аукционист объявляет: — Продаются неопубликованные автографы Гёте! Желающие могут подойти ближе: два стихотворения, еще нигде не печатанные. Имеется письменное заключение экспертов, определяющее их подлинность... 400 марок?... Кто больше?..

Советским людям, привыкшим к тому, что духовные ценности составляют у нас достояние народа, что рукописи великих художников слова бережно охраняются в государственных институтах, архивах, музеях, библиотеках, этот базарный торг, эти выкрики и надбавки цены на уникальные автографы великого поэта кажутся дикой выдумкой. Однако это не выдумка. Два неопубликованных стихотворения Гёте, написанных в 1827 году, были недавно, по сообщению «Манчестер гардиан», проданы с аукциона в Западной Германии. Продавал их некий Герд Розен — берлинский антиквар.

Впрочем, что удивительного, что в мире, который на языке буржуазных писателей именуется «системой западных демократий» — в мире бесчестной наживы и бешеных спекуляций, — неопубликованные стихотворения Гёте продаются с молотка вместе с ивной кружкой, старым зонтиком и двуспальной кроватью!

Раз можно извлечь выгоду, — значит продается и покупается. Да! Рукописи великого Гёте будут вывезены из Германии! Но какое дело до Германии и до Гёте американским спекулянтам и барышникам, торгующим Западной Германией оптом и в розницу!

«Картины великих мастеров вывозятся из Германии, чтобы украсить столовую невежественного скотопромышленника из Чикаго. Кроме него, ковры вешаются в зубах после обильного обеда, никто не увидит этих картин. Впрочем, и он не посмотрит: он ровню ничего не понимает в картинах. Но это товар, следовательно, это бизнес».

Теперь и стихотворения Гёте разделяет печальную судьбу знаменитых полотен. В XVIII веке крупный австрийский магнат граф Эстергази, на службе у которого состоял великий композитор Гайдн, тоже убрал под замок сонаты и квартеты Гайдна, считая их своей собственностью, поскольку они были написаны на

Четверостишия Бо Цзю-и

В китайском культурном наследии видное место занимает поэзия, достигшая расцвета в так называемую танскую эпоху (VII—IX вв.). Тогда творили такие поэтические гении китайского народа, как Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзю-и.

В своем творчестве эти поэты сумели подняться выше эгоистических интересов правящего класса, к которому они принадлежали, и отразить дух народа, его мысли и чаяния. Поэтому они особенно дороги демократическому Китаю.

Недавно в переводах Л. Эйлина вышла книга «Четверостишия» Бо Цзю-и — поэта, близкого стоявшего к народу и борющегося с тенденциями придворной аристократической поэзии.

До нас дошли письма Бо Цзю-и к его другу и ученику, поэту Юань Чженю. В этих письмах IX века нас поражают ясные мысли о необходимости связи поэзии с жизнью, о значении социальной темы в поэзии.

Поэзия Бо Цзю-и близка народу. «За то, что стихи его понятны народу, прежние историки литературы не очень жаловали Бо Цзю-и и ставили его во второй ряд поэтов танской эпохи. Но теперь эту оценку следует пересмотреть. И то, что в социалистическом государстве — Советском Союзе — стихи Бо Цзю-и переведены в первую очередь, является самым конкретным подтверждением изменения старой оценки», — писал Го Мо-жо в статье по поводу переводов стихов Бо Цзю-и.

Бо Цзю-и на русский язык переводится не впервые, но так полно, как теперь, он еще не представлен не был. В рецензируемой нами книге содержится сто пятьдесят восемь стихотворений. Дело, однако, не только в этом. Главное достоинство переводов «Четверостиший» в том, что они правильно передают дух поэзии Бо Цзю-и, особенности его творчества и стили поэтической речи.

В переводе сохранены особенности танского стихосложения — цезура, образы и, главное, характерная композиция. Наше внимание привлекают гневные стихи Бо Цзю-и, такие, как «Душистик старик», пришедшие к циклу «Новые народные песни».

В своих стихотворениях поэт выражает сочувственное отношение к простому народу, изыскиваемому под феодальным гнетом. В книге, в целом хорошей, все же есть недостатки. В ней встречаются места, требующие более четкого и простого пояснения. Вот начало предисловия к стихам «В бозелани»:

«Во время, известное под девизом Кай Чан, в год Цзи И; я был в возрасте, как говорится, прибрежной ивы — мне исполнилось шестидесять восемь лет. Зимой, в десятом месяце, в утро под пылающими знаками Цзи Инь я впервые заболел ревматизмом...»

Всё это непонятное читателю перечислено китайских названий «спасается» подобными же причеманиями: «Цзи Бай» — четвертый год периода под названием Кай Чан (839)».

Очень жаль также, что сборник не полон: переводчик не включил в книгу на правление против принудительных рекрутских наборов стихотворение «Синь-фунский старик со сломанной ногой» и промедление поэм Бо Цзю-и.

Говоря о книге, нельзя не отметить мастерски сделанные гравюры художника М. Писова.

Издание на русском языке книги великого китайского поэта — ценный вклад в дело развития культурного общения между двумя великими народами.

Ф. ТЕРСКИЙ.

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.